

Андрей Бондаренко

**Суровая мужская
проза**

Суровая проза

Андрей Бондаренко

Суровая мужская проза

«Автор»

2014

Бондаренко А.

Суровая мужская проза / А. Бондаренко — «Автор»,
2014 — (Суровая проза)

Раскалённые светло-светло-жёлтые пески Сахары, по которым бродят коварные ливийские диверсанты, рыжие пустынные волки, двугорбые облезлые верблюды, а также подозрительные и странные существа, которых местные жители именуют «инкубами» и «суккубами». Перестрелки, раны, кровь, погони, сбитые вертолёты, смерть, пропавшие навсегда любимые женщины. И миражи, миражи, миражи... Самое интересное, что всё это (или же почти всё), действительно, случилось-произошло много-много лет тому назад, во времена моей беспутной молодости...

© Бондаренко А., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Миттельшпиль. Середина Игры	5
Пролог	7
Глава первая, плавная и сентиментальная	8
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвёртая	28
Глава пятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Бондаренко

Суровая мужская проза

*Фантом – Любви ушедшей,
Чья смерть – подобна крику.
Зелёная поляна
Вновь ягоды полна.
И Тени, без обмана,
Кусают землянику.
Любви сгоревшей Тени,
Ушедшей – навсегда...*

Миттельшпиль. Середина Игры

И они, успешно преодолев странную «охранную полосу», отправились к Запретной зоне. Четырнадцать с половиной километров, пройденных по зыбучим светло-серым пескам, и впереди замаячила чёрная базальтовая скала.

– Чёрная-то чёрная, только на ней виднеются и какие-то белые-белые линии, – проворчал Белов. – Причём, расположенные в определённо-знакомом порядке.... Что это такое может быть? А, Алекс?

– Не знаю, – по-честному признался Лёха Петров. – Сейчас подойдём поближе и проясним ситуацию.

Они подошли.

На почти вертикальной идеально-гладкой чёрной поверхности располагался человеческий скелет, прикованный к скале с помощью массивных бронзовых колец и железных штырей.

– С черепа свешивается клоч длинных иссиня-чёрных волос, – неодобрительно покачав головой, хмыкнул Артём. – Стало быть, это женский скелет.

– Пожалуй, что так, – согласился Петров. – А заметил, как... э-э-э, как разворочены кости таза?

– Заметил.... Инкуб поработал?

– А разве они существуют на самом деле?

– Хрен его знает. Здешние берберы уверяют на голубом глазу, что да. И Палыч прозрачно намекал про это. Или же – на это? Не знаю, как надо правильно говорить, так как с филологией, честно говоря, никогда особо не дружил.... Да и чёрная скала с женским скелетом однозначно имеется.... Ведь, верно?

– Это точно, присутствует. Мать его растак, да с перехлёстом.... Ладно, шагаем дальше...

Забравшись на гребень крайнего бархана, дозорные залегли и огляделись по сторонам.

– Не нравится мне этот подозрительный замок, – прикинув к окулярам мощного армейского бинокля, объявил Петров. – С одной стороны, конечно, обыкновенный мираж. Таких здесь – сотни и тысячи. А, с другой...

– Чего замолчал-то?

– Сам, Тёмный, знаешь.

– Считаешь, что это и не мираж вовсе? – понимающе усмехнулся Белов. – Мол, самый настоящий средневековый замок?

– Считаю. И Ванда придерживается того же мнения.

– Ну, если сама мисс Ванда Паулс...

– В морду дам.

– Всё, молчу-молчу...

Они лежали на гребне покато́го тёмно-рыжего бархана. Лежали и с интересом наблюдали за здешними миражами. На севере через пески медленно брёл нехилый караван, состоявший из полутора сотен рослых жёлто-бурых двугорбых верблюдов: на одной трети из них – между крутыми горбами – размещались смуглолицые арабы, головы которых украшали бело-снежные и светло-бежевые тюрбаны, остальные же животные были плотно нагружены разномастными и разноцветными тюками-свёртками. Понятное дело, что на самом-то деле никакого торгового каравана не было и в помине. Ну, откуда в районе Чёрного ущелья взяться такому количеству верблюдов? Неоткуда, понятное дело... На востоке же, параллельно с псевдо-верблюжьим караваном, абсолютно бесшумно катила танковая колонна – бесконечная, дымная и жёлто-зелёно-пятнистая. Очередной пустынный мираж, ясный пенёк карельской берёзы...

А прямо перед ними располагался солидный средневековый замок – классический такой, с мощными стенами, украшенными узкими бойницами, глубоким рвом и элегантными башенками. Местами однозначно-разрушенный. Типа – подвергнутый (за много-много прошедших веков), комплексной и многогранной эрозии.

– НЛО пожаловало, – размеренно «щёлкавая» затвором фотоаппарата, объявил Лёха. – Совсем обнаглели, мать их всех и надолго...

Действительно, по блёкло-голубому небу – плавно и величественно – перемещался светло-серебристый диск. А потом начал резко снижаться и вскоре успешно приземлился на территории средневекового замка.

– Жарковато сегодня, ничего не скажешь, – смахнув ладонью со лба крохотные капельки пота, прокомментировал Артём. – В районе сорока двух-трёх градусов, если по старику Цельсию... Попробуем подобраться поближе и просканировать данное архитектурное сооружение «усиленной лазерной указкой»?

– Почему бы и нет? Попробуем...

Сняв автоматы с предохранителей, они, слегка пригибаясь, зашагали к замку.

– Вью-ю-ю-ю! – раздалось над головами.

– Бух-х-х! – рвануло в двадцати-тридцати метрах.

– Ложимся, так его и растак...

– Вот же, блин горелый, всего песком засыпало, – отчаянно отплёвываясь, пожаловался Лёха. – Аж, на зубах скрипит. Сволочи позорные и суки рваные... А что это было?

– Предупреждение, надо думать. Мол, к этому объекту приближаться не стоит.

– Эге, понятно... А кто предупреждал-то? И из какого вида оружия?

– Хрен его знает, – по-честному признался Артём и насторожился: – Слышишь, гудит? Никак, вертолёт чешет?

– Ага, точно... Заходит на посадку. Сейчас мистер Фрэнк Смит устроит нам образцово-показательную жёсткую выволочку, мол, зашли, грубо нарушив служебные инструкции, в Запретную зону.

– Это ещё хорошо – если генерал Смит... А если там Палыч?

– Тогда – труба дело, – всерьёз запечалился Лёха. – С дерьмом сожрёт и не подавится. Трындец бедным маленьким котяткам, образно выражаясь...

Пролог

Сон был чётким и цветным, но – при этом – мрачным и тревожным. А ещё очень-очень холодным, прямо-таки ледяным.

«Бр-р-р!», – внутренне передёрнулся Пашка. – «Самый натуральный и простудный колотун. Озноб пробивает практически до самых пяток... Хотя, разве можно говорить о пятках – применительно ко сну? Здесь гораздо более уместны другие термины и фразы. Гораздо более весомые, солидные, приличные и пафосные. Например: – «Потусторонний холод, пронизывающий каждую клеточку его бессмертной и нежной Души...». Ладно, пожалуй, перетерплю. Не буду отвлекаться от просмотра...».

По низкому-низкому небу медленно, монотонно и величественно ползли, постоянно и целенаправленно наслаиваясь друг на друга, рваные тёмно-серые облака, подгоняемые устойчивым северо-восточным ветром. На западе, у самого горизонта, наблюдались-клубились пухлые тёмно-синие тучи. С той стороны – время от времени – долетали сердитые раскаты далёкого грома, а из пухлых туч изредка срывались вниз изломанные ярко-жёлтые молнии.

Свинцовые волны неизвестного морского залива размеренно и упрямо бились о бурожёлтые скалы.

«Солидные такие скалы, спора нет», – машинально отметил Сомов. – «Скалистые-скальные все такие из себя. Снизу искусанные – за многие-многие сотни тысяч лет – морскими злыми волнами. А сверху изрезанные и истрёпанные регулярными северо-восточными ветрами. Природная эрозия, мать её природную...».

На высоком крутом обрыве, по-хозяйски нависая над морем и скалами, располагался солидный, явно средневековый замок. Нижний ярус данного крепостного сооружения был сложен из светло-серых разноразмерных валунов, а верхний – из желтоватых каменных блоков и красно-бурого кирпича.

Крепостного сооружения? Да, создавалось устойчивое впечатление, что данный замок – в первую очередь – является стерегущей крепостью, контролирующей вход-выход в полукруглую уютную бухту, в которой наблюдалось несколько заякорённых морских судов.

«Непонятные кораблики. Неуклюжие, непропорциональные и какие-то допотопные», – подумал Пашка. – «А сама местность, прилегающая к замку-крепости, очень... м-м-м, неуютная, мутная и загадочная. Чётко и однозначно ощущается некая мистическая аура... Лёгкая туманная дымка застенчиво стелется и тут, и там. Ни капли не удивлюсь, если из-за ближайшей рвано-ребристой скалы покажется самый натуральный Призрак. Честное слово, не удивлюсь... Ага, замелькали, выходя из плотного утреннего тумана и плотоядно мерцая своими тёмно-зелёными глазищами, непонятные грязно-серые пятна... А из серо-чёрной отвесной скалы... э-э-э-э, «выпрыгнул» кто-то – широкоплечий, лохматый и рогатый. Суки дешёвые и рваные... Чёрт меня побери! Где-то вдаль коротко громыхнул басовитый гром, и всё рассеялось. Растаяло. И исчезло. Словно бы навсегда. Всё-всё-всё. И скучно-грязно-синее море, и серо-жёлтые изломанные скалы, и пафосный средневековый замок. Только бескрайние и раскалённые пески-барханы подступают со всех сторон. А ещё – страшный, плотоядный и злобный зной. И колючая, мрачная и безжалостная жажда... Значит, всё это – бывшее, красивое и исчезнувшее – элементарные пустынные миражи? Блин горелый... Ох, уж, эти миражи! Так их всех и растак... Нет, что хотите со мной делайте, но в Сахару я больше – не ходок. И не ездок. И не летун. И не пловун. Ни за бешеные баблосы. Ни за разлапистые и многокрасочные ордена. Ни за пару строчек в толстенной Британской энциклопедии. И одного раза хватило – и за глаза, и за уши...».

Глава первая, плавная и сентиментальная Питерская осень

В спальне царственно властвовал призрачный светло-серый полусумрак, из которого на Сомова смотрели-таращились два огромных ярко-изумрудных глаза. Внимательно так смотрели, изучающее, недоверчиво и слегка вопросительно.

«Может, давешний сон – о всякой и разной средневековой нечисти – ещё не закончился?», – тут же надоедливо зашелестел в голове встревоженный внутренний голос. – «Или же всё гораздо хуже? Типа – сон был вещим? То бишь, коварный Призрак, всё же, «выбрался» из желтоватой приземистой скалы, а потом ловко «перескочил» – вместе с тобой, братец, – из сонной субстанции в реальную? «Перескочил», а теперь нагло и беспардонно тарашится? Такое, как утверждают высоколобые очкастые эксперты, работающие на телевизионном канале ТВ-3, случается. Причём, по их авторитетному мнению, сплошь и рядом...».

– Как же мне надоели все эти дурацкие бредни о всяких потусторонних явлениях и прочих аналогичных глупостях, – тихонько пробормотал Пашка. – По прошлой весне мерзавец Сидоров старательно изображал из себя Привидение. Напялил, понимаешь, белый балахон, пошитый из старых простыней, забрался в рассветный час на хлипкий плот и давай усердно рассекать – с помощью длинного шеста – по местному пруду.... В то памятное утро, как раз, над водой тревожно клубилась метровая полоса густого белёсого тумана, поэтому с берега плот был невидим. В результате – уже ближе к обеду – по нашему доверчивому и наивному Купчино¹ поползли упорные слухи, мол: – «По водной глади пруда, на берегу которого находится старенький кирпичный завод, самые натуральные Приведения – целыми стаями – разгуливают. Зубами угрожающе скрежещут, утробно воют, нагло улюлюкают и грязно матерятся. Не к добру это, граждане и гражданки. Быть беде. Однозначно – быть. Конец Света, так его и растак, приближается...». А теперь, значит, и собственный внутренний голос завёл ту же самую надоедливую волюнку? Бред бредовый и законченный, мать его.... Зелёные внимательные глазищи? Это, надо полагать, проголодавшийся Аркаша забрался на прикроватную тумбочку. Кыс-кыс-кыс...

– Мяу!

– Тише, Аркадий. Сашенцию разбудишь. Тише, морда усатая. Ну, пожалуйста...

Котёнок, послушно замолчав, ловко спрыгнул с тумбочки.

– Цок-цок-цок, – чуть слышно, удаляясь, пропели острые коготки кошачьих лап, встречаясь с твёрдыми дощечками паркета.

Через полторы минуты со стороны кухни донеслось жалобное монотонное мяуканье.

«Этот шестимесячный хвостатый деятель теперь не успокоится», – печально вздохнул опытный внутренний голос. – «До тех пор, понятное дело, пока не налопаются от пуза. Многократно проверено. Прожорливый и упрямый – до полной невозможности.... Так что, друг Пашенька, надо и нам вставать. Сон? В следующий раз, Бог даст, досмотрим. Говорят, что вещие сны, они любят возвращаться...».

Сомов уселся на кровати, поднялся на ноги, обернулся и шёпотом подытожил:

– Теперь-то понятно, почему недавний сон был таким холодным и льдистым. Это моя обожаемая и любимая супруга всё одеяло стянула на себя. Форточка была приоткрыта, а сентябрьские ночи, они, как известно, не отличаются избыточным теплом. Впрочем, нынче обижаться на Александрю нельзя – пятый месяц беременности, как-никак...

---

¹ Купчино – один из «неформальных» районов Санкт-Петербурга.

Он, предусмотрительно поместив подошвы босых ног в мохнатые домашние шлёпанцы и набросив на мускулистый торс фланелевую футболку, проследовал на кухню, плотно прикрыл за собой дверь и, первым делом, накормил Аркадия.

– Ур-ур-ур, – жадно поглощая ярко-красные кусочки говяжьего сердца, благодарно урчал чёрно-белый котёнок.

Пашка сварил в приземистой медной турке крепкий кофе, наполнил до краёв, не добавляя молока и сахара, фарфоровую чашечку, закурил первую утреннюю сигарету и, опустившись на табуретку, включил телевизор.

С тихим потрескиванием ожил прямоугольный экран телевизионного монитора.

– Ну, конечно, приснопамятный ТВ-3, – осторожно отхлебнув из чашечки кофе, недоверчиво хмыкнул Сомов. – И за что, интересно, наша Санька обожает этот подозрительный телевизионный канал? Переключить? Оставить? Как думаешь, Аркашка?

– Мяу, – ловко запрыгнув на кухонный стол, отозвался котёнок.

– Ладно, так и быть, оставлю...

По ТВ-3, как и ожидалось, шла псевдо-научно-популярная передача, посвящённая всяким и разным аномальным явлениям. За длинным офисным столом – друг напротив друга – расположились молоденькая сексапильная телеведущая и бородатый дядечка среднего возраста.

– Значит, уважаемый Василий Васильевич, вы утверждаете, что так называемые...э-э-э, вещие сны существуют на самом деле? – игриво поводя развратными глазёнками, томно промурлыкала шатенка. – То есть, они не являются элементарным плодом воображения...м-м-м, особо впечатлительных и мнительных обывателей?

– Существуют, – хмуро и отстранённо глядя в сторону, заверил бородач. – И этому уникальному явлению находится масса неопровержимых подтверждений и доказательств. Например, воспоминания известных и знаменитых людей, зафиксированные в письменном виде. Разве такие знаковые и уважаемые личности, как Наполеон, лорд Байрон, Сергей Есенин и Максим Горький не являются авторитетами, неспособными на глупое и пошлое враньё?

– Являются-являются, – мимолётно улыбнувшись, заверила телеведущая. – И, что характерно, общепризнанными мировыми авторитетами... Значит, вещие сны – это далёкие отголоски реальных событий? Подсказки, являющиеся продуктом деятельности головного мозга конкретного индивидуума?

– Зачем же, милочка, всё так упрощать? – презрительно и надменно поморщился Василий Васильевич. – Отголоски реальных событий? Продукт деятельности человеческого головного мозга? Фи. За семь с половиной вёрст отдаёт банальностью и недалёковидностью... Подсказки? Вот, здесь я полностью и всецело согласен с вами. Да, именно знаковые и светлые подсказки. Но только подсказки Сил потусторонних, нездешних, Высших... О чём именно подсказывают эти неведомые и могущественные Силы? Конечно, о скором Будущем конкретного индивидуума. Но далеко не всегда напрямую, а слегка завуалировано и, зачастую, вскользь. Ну, это как любезное предложение – разгадать некий занимательный и хитрый ребус. Мол, если ты умный, достойный, эрудированный и дружащий с философией человек, то непременно разгадаешь. Рано или поздно. А если туповатый, недалёкий, напыщенный и без всякой меры самовлюблённый, то, понятное дело, нет...

– Да, что же это такое? – нервно туша в раковине-пепельнице, купленной во время июньской турпоездки в Таиланд, короткий сигаретный окурочок, возмутился Пашка. – И здесь те же самые пошлые бредни о потусторонней мистике и вещих снах? Они, затайки хреновы, все сговорились?

Он, предварительно переключив телевизор на какой-то нейтральный канал с беззаботными танцами-песенками и допив кофе, вылез из-за кухонного стола и занялся приготовлением полноценного субботнего завтрака – у супругов Сомовых был заранее запланирован

выезд на дачу Пашкиного доброго и старинного приятеля. Скажем так: сбор яблок, калины и японской айвы, поход за грибами и, естественно, долгие дружеские разговоры-воспоминания возле камина, ярко-мерцающего лилово-сиреневыми и янтарно-малиновыми угольками...

«Сами-то грибы, понятное дело, самоцелью не являются», – поняливо вздохнул сентиментальный внутренний голос. – «То бишь, глубоко и чётко вторичны. Соберём корзинку – поджарим и с аппетитом съедим. Ничего не найдём – ни капли не расстроимся. Главное, что молоденьким беременным барышням, по утверждению мудрых докторов, очень полезны в меру долгие пешие прогулки по свежему воздуху. А по задумчивому русскому осеннему лесу, наполненному разноцветными листьями и живительным озоном, вдвойне и, даже, втройне... А, вот, душевные разговоры у камина. Они – статья отдельная, приватная и особая. Знаковая и много чего определяющая, короче говоря...».

Себе Пашка поджарил «королевскую» яичницу из шести яиц – с копченым беконом, ветчинной колбасой и вологодским козьим сыром. А для любимой и горячо-обожаемой жены сварил жиденькую овсянку с сухофруктами и сделал лёгкий фруктовый салатик – из мелко-нарезанных яблок, моркови, хурмы и фейхоа. Естественно, что майонез и магазинная сметана, вредные для здоровья беременных дам, в салат не добавлялись, а были успешно заменены на однозначно-полезное оливковое масло.

Он разложил по тарелкам приготовленные блюда и наполнил пузатые стеклянные бокалы «пакетным» апельсиновым соком.

– Мяу! – старательно и методично расправив правой лапой реденькие усы, заявил котёнок Аркаша.

– Думаешь? – засомневался Сомов. – Считаешь, что пора будить хозяйку, пока каша не остыла? Ну, не знаю, право. Рассердится ещё, не дай Бог. Тогда, блин горелый, только держись...

– Не рассердится, милый, – заверил ангельский голосок. – Не переживай. Я уже проснулась.

Дверь распахнулась, и в кухню вошла Сашенция – растрёпанная, румяная, сонная, милая, в обворожительном полупрозрачном пеньюаре.

Вошла, звонко чмокнула мужа в небритую щёку, ласково погладила котёнка по чёрно-белому загривку, после чего уселась на табурет – напротив телевизора.

– Вот же он, мягкий стул, – меняя тарелки местами, недовольно забубнил Пашка. – Нет же, обязательно надо упрямитесь...

– Прекрати, пожалуйста, – попросила – ангельским голосом – супруга. – Я нигде не читала и даже ни от кого не слышала, что табуретки беременным противопоказаны... О, какой чудный салатик! И кашка. Ароматная такая... Она, что же, сварена с черносливом, изюмом и сушёными яблоками? Подполковник, ты – настоящее и патентованное чудо. В том смысле, что самый идеальный муж на свете.

– И это – только начало. Вот, когда родишь мне наследника. Или наследницу. Или же обоих сразу...

– То – что?

– Пока, извини, ничего не знаю про конкретные праздничные мероприятия. Врать не буду, – смущённо хмыкнув, сознался Сомов. – Но, клянусь честью российского офицера, обязательно придумаю что-нибудь эдакое. Однозначно – сногшибательное, эффектное и заковыристое. Последним штатским гадом буду.

– Верю, любимый, – мимолётно улыбнувшись и вяло берясь за ложку, заверила Александра. – Очень вкусно... Слов нет. Спасибо, искусный кулинар в погонах, огромное...

Минут через тридцать-сорок завтрак был успешно завершён. Супруги Сомовы помыли посуду, переоделись в удобную одежду-обувь и, прихватив вещички, покинули квартиру. Пашка тащил две объёмные полосатые сумки с вещами и продуктами, а на долю Александры досталась пластмассовая «переноска» с котёнком.

Дело приближалось к полудню. На улице потеплело до плюс двенадцати-пятнадцати градусов по Цельсию. Из низких серых туч, медленно и плавно кочевавших на север, лениво капал мелкий дождичек. Купчинские газоны сделались пёстрыми от опавшей листвы.

– Неудобно как-то получается, – шагая в сторону автостоянки, ворчала Сашенция. – Едем на чужую дачу, с хозяевами которой я даже не знакома.... Что из того, что они в отъезде, а на даче присутствует только старенький дедушка? Неудобно. Так дела не делаются...

– Удобно-удобно, – заверил Сомов. – Делаются-делаются. И дачный дедушка не из простых чалдонов будет. И, вообще.... А Артём Белов мне – как брат. А я, соответственно, ему. Боевое братство, зачастую, бывает крепче самого кровного родства.

– А где вы с ним познакомились?

– В российской армии, естественно. Вернее, в российском батальоне, входившем в состав специального корпуса ООН, который – в свою очередь – располагался на алжиро-ливийской границе.

– В состав миротворческого корпуса ООН? – уточнила любопытная Александра.

– Не угадала, красавица купчинская. Корпус был насквозь боевым, секретным и тайным. Как выяснилось, и такие бывают. Мол, большая политика – дело тонкое. А местами и откровенно-грязное.... Вот, там мы все и перезнакомились – во время серьёзных воинских кувырканий: я, Тёма Белов, Гришка Антонов, Санька Романов, Егор Леонов, Лёха Никоненко, Горыныч, Лёха Петров, Серёга Подопригора...

– И чем же вы, brave – во время кувырканий в знойных и жёлтых песках Сахары – занимались?

– Так, ерундой ерундовой и не серьёзной, – ставя тяжёлые сумки рядом с нужным автомобилем, легкомысленно передёрнул плечами Пашка. – Старательно патрулировали вверенную территорию на предмет выявления-нахождения подлых ливийских лазутчиков. Летали на вертолётах вдоль границы. Немного постреливали из автоматов и метали гранаты. Иногда пробивали узкие проходы в бескрайних минных полях. Ещё по мелочам всякого. Дурака усиленно валяли, короче говоря.... Всё, заканчиваем болтать. Оперативно загружаемся в автотранспорт и следуем по намеченному маршруту.... Рядовая Сомова!

– Я!

– Занять заднее сиденье. Задача – неустанно и разносторонне развлекать капризного котёнка. Дабы он, мордочка голосистая, не отвлекал своим надоедливым мяуканьем шофёра, то есть, меня, от выполнения прямых должностных обязанностей.

– Есть!

– Молодцом. Так держать...

– А для чего ты сейчас заворачиваешь на Малую Карпатскую?

– Подхватим Петьку, сына Горыныча. Он, во-первых, является начинающим и многообещающим писателем. А, во-вторых, славным пареньком, желающим лично пообщаться с Палычем.... Кто такой – «Палыч»? А это, как раз, тот самый безобидный старичок, ждущий нас на «беловской» даче. Виталий Павлович Громов, генерал-лейтенант российского ГРУ в отставке...

Старенький светло-серый «Опель», подхватив на Малой Карпатской широкоплечего молодого человека, выехал по Софийской улице на Кольцевую трассу и постепенно, аккуратно перестраиваясь из ряда в ряд, влился в общий скоростной поток. Пашка сосредоточенно вер-

тел-крутил автомобильную баранку, а Сашенция старательно развлекала испуганного котёнка всякими несерьёзными разговорами.

Через восемнадцать минут машина – перед синей «стрелочкой» с белой надписью: – «Токсово, 22 километра», – съехала с Кольцевой. За автомобильными стёклами замелькали, сменяя друг друга, современные высотные дома, элегантные коттеджи и скособоченные деревенские домишки.

– Ново Девяткино, – изредка поглядывая на дорожные знаки-указатели, комментировала непосредственная Александра. – Кузьмолово, Токсово, Ново Токсово... Ага, свернули на узкую грунтовую дорогу. Куда ведёт этот извилистый и раздолбанный просёлок?

– В садоводческий массив, – откликнулся Сомов. – Наше садоводство – последнее...

Мало того, что садоводство было последним, так ещё и нужный участок оказался крайним, вплотную примыкающим к серьёзному, слегка заболоченному лесу.

«Опель», притормозив, плавно остановился возле покосившегося хлипкого забора.

– Прибыли к заданной точке, – торжественно объявил Пашка. – Десантируемся согласно штатному расписанию...

Дача Белова оказалась скромной – неказистая бревенчатая избушка средних размеров, покрытая чёрным допотопным рубероидом, древняя кирпичная труба, старые металлические бочки под стоками двускатной крыши. А, вот, сад был просто замечательным – аккуратно подстриженные кусты, ухоженные цветочные клумбы и старые фруктовые деревья с толстыми, тщательно побелёнными стволами. На некоторых яблонях, не смотря на третью декаду сентября, висели крупные желтобокие и красно-розовые яблоки.

– Какие шикарные декоративные многолетники! Вереск, гортензия, магнолия, барбарис, чубушник, – принялась восторгаться впечатлительная Сашенция. – Цвета листьев – просто закачаешься. Сплошное загляденье. Полный пастельный набор: фиолетовый, сиреневый, пшеничный, светло-жёлтый, янтарный, блёкло-изумрудный, нежно-лазоревоый... Ой, беседка! Симпатичная такая, резная, густо-увитая тёмно-зелёным плющом... А что это такое, рядом с беседкой? Неужели, деревенская банька? Здорово... Он кто – Артём Белов? В том смысле, кем сейчас трудится?

– Не трудится, а служит. То бишь, до сих пор состоит в славных и непогрешимых Рядах. Кажется, возглавляет один из супер-секретных отделов доблестного российского ГРУ. Причём, специфика деятельности данного отдела напрямую связана с долгими и постоянными зарубежными командировками.

– Наблюдается чёткая нестыковка.

– Мяу, – поддержал из «переноски» Аркаша.

– Какая? – забеспокоился Сомов. – И в чём именно?

– Ну, как же. Человек занимает такую важную и ответственную должность, а его дача, отнюдь, не напоминает благоустроенный коттедж. Самая натуральная хижина и не более того... Впрочем, милый, у нас и такой нет. Не смотря на то, что ты являешься подполковником российской полиции и возглавляешь УВД Фрунзенского района.

– В ближайшие полтора года мы будем пользоваться этой фазендой. То есть, изредка наезжать сюда в гости. Тёмный разрешил. Да и Палыч не против...

– Какой ещё – «тёмный»? – подозрительно прищурилась Александра.

– Прозвище такое, армейское насквозь. Артём – «Тёмный».

– А у тебя какое было прозвище?

– Конечно же – «Сом». Нравится?

– Ага, звучит... Т-с-с. Говори, пожалуйста, тише.

– Почему? – перешёл на шёпот Пашка. – Что случилось?

– Ничего. Просто... Тишина кругом – чуткая, строгая и удивительная. Практически абсолютная...

– И это – совершенно нормально. По-другому, просто-напросто, и быть не может.

– Почему – не может? – тревожно округлила глаза Сашенция.

– Поздняя питерская осень. Дачники и пенсионеры, испугавшись приближающихся холодов, разъехались по своим тёплым и благоустроенным городским квартирам. Не удивлюсь, если сейчас в этом садоводстве, вообще, никто не живёт. Кроме Виталия Палыча Громова и его верного кота, понятное дело.

– Ой, слышишь? Словно бы кто-то – длинно и печально – вздохнул.

– Она и вздохнула, поздняя русская осень, – печально улыбнувшись, пояснил Сомов. – Вновь навалилась осень. Гуляют дожди по проспекту. Капли стучатся в стёкла – таинственной чередой. И опавшие листья, унесённые ветром, к нам возвратятся снежинками – ранней зимой... Всё, любимая, заканчиваем со слюнявой гражданской лирикой. И другие дела найдутся... Ага, а вон и старина Палыч нарисовался. Готовься к знакомству...

Громко хлопнула дверь избушки, и на высоком крыльце появился пожилой человек в стареньком чёрном ватнике и классических кирзовых сапогах: чуть выше среднего роста, слегка полноватый, приземистый, лысоватый и морщинистый. Обычный такой деревенский дедушка. Что называется, среднестатистический. Только, вот, глаза у него были приметными: молодыми, быстрыми, любопытными и до полной невозможности ехидными.

– Приветствую вас, молодёжь! – басовито пророкотал старичок. – О, Сом! Привёз-таки свою наяду черноволосую? Приметная такая барышня, симпатичная, фигуристая и длинноногая.

– Что есть, то есть, – скромно потупилась Сашенция. – Краса и гордость Купчино. По крайней мере, так говорят. Причём, все...

– Вижу-вижу. А ещё умненькая и языкастая. Молодец, Пашенька. Козырную карту вытянул... А это, значит, Горыныч-младший?

– Фёдор Горюнов, – невольно подобралшись, представился широкоплечий молодой человек.

– Громов Виталий Палыч, – в свою очередь отрекомендовался хозяин дачи. – Очень рад. Похож ты, Федя, на отца покойного. И лицом, и статью... Говорят, писатель?

– Начинаящий, Виталий Павлович. Хочу книгу написать про отца. И, конечно, про его боевых соратников. Вот, и к вам приехал – поговорить. Ну, и попросить – воспоминаниями поделиться... Не откажете?

– Что ж я, зверь какой? – картинно удивился Громов. – Поделюсь, не вопрос. Под рюмочку, естественно. Какие воспоминания – без рюмочки? Так, ерунда полная и нонсенс голимый. Сейчас стол накроем, посидим, поболтаем... Красавица черноволосая, поможешь старенькому дедушке с хлопотами хозяйственными?

– Не вопрос, – хмыкнула Санька. – Сейчас всё оборудуем. По высшему разряду. Как и полагается в таких случаях...

Через час они уже сидели в горнице-столовой, за накрытым столом. Так, совершенно ничего особенного: скромные салаты, варёная картошка, жареная свинина, бутерброды с сыром и ветчиной, водочка, красное сухое вино, квас «Никола». Ну, и дымящийся пузатый самовар самого антикварного вида, вокруг которого были расставлены чашки, блюдечки, сахарница и вазочки с конфетами-пряниками.

– Ну, за встречу, – поднимая наполненную рюмку, провозгласил тост Виталий Палыч. – И за друзей погибших... Ох, и крепка, зараза. Даже слеза выступила... Или же это я так постарел? Ладно, проехали... Ты, Санечка, интересовалась, почему наша дачка такая скромная? Объясняю. На даче, по моим консервативным принципам-понятиям, обязательно должно пахнуть – дачей. То есть, печным дымком, лёгкой запущенностью, старыми бревенчатыми стенами и недавно вымытым деревянным полом, который, естественно, выкрашен в традиционный

светло-коричневый цвет. Полосатые домотканые половички прямо-таки обязаны лежать везде и всюду. На стенах, естественно, обои «в цветочек». Никакой современной мебели, кафеля и пластика. Иначе это будет уже не русская дача, а дурацкий загородный дом, построенный-оборудованный по импортным образцам, лекалам и понятиям... А ещё на русской даче должен – в обязательном порядке – присутствовать серый в полосочку кот. Вот, прошу любить и жаловать, – генерал-лейтенант в отставке указал рукой на широкую каминную полку, на которой возлежал, недоверчиво поглядывая на неожиданных гостей огромными изумрудно-зелёными глазами и громко постукивая шикарным длиннющим хвостом по каминной решётке, огромный дымчато-серый котяра. – Этого хитрющего индивидуума сокращённо зовут – «Кукусь». А полностью – «Кусяма Бен Ладен».

Наглый кот, громко проурчав что-то неопределённое, презрительно отвернулся к окну.

– Вы, ребята, не переживайте за своего котёнка, – понимающе улыбнулся Громов. – Кукусь только притворяется мрачным, злобным и суровым. А на самом деле он – добрейшее и нежнейшее существо. Естественно, что к мышам, кротам и птицам эта кошачья доброта не имеет ни малейшего отношения... Ещё про скромность. Внутренняя площадь этого дачного помещения – порядка девяноста пяти метров квадратных. Куда нам с женой (она сейчас в отъезде), больше, а? Мы и на этой территории с трудом чистоту поддерживаем, по очереди убираясь. И это уже не говоря про сад, цветочные клумбы, огород и теплицы, которые тоже забирают-отнимают достаточно много времени. А моя племянница Татьяна (вместе с мужем Артёмом и двумя детишками), сейчас находится в длительной служебной командировке... Говорите, что для решения всех бытовых проблем и вопросов существуют слуги? Мол, горничные, уборщицы, садовники и кухарки? Нет, полностью исключено. На моём правом плече имеется татуировка знаковая – улыбающийся всему этому Миру Эрнесто Че Гевара. Естественно, в обнимку с автоматом Калашникова. Ну, не могу я – слуг держать в доме, светлые идеалы наивной юности не позволяют. И, вообще: каждый человек должен своё дерьмо – сам за собой прибирать. Принцип такой, основополагающий и железобетонный...

– Мау-у! – соглашаясь с хозяином, промолвил кот Кукусь, неожиданно заинтересовавшийся разговором.

– Спасибо, дружище хвостатый, за поддержку. Спасибо.... Ну, ещё по рюмашке.... Ох, хорошо! Будут дополнительные вопросы?

– Виталий Палыч, а почему в вашем доме я не заметил икон? – накалывая на вилку маринованный огурчик, поинтересовался Горюнов-младший. – Православие же нынче в моде...

– В моде, понимаешь, – язвительно усмехнулся Громов, ставший под воздействием алкоголя очень разговорчивым. – Терпеть ненавижу.... Да, бесспорно, я – верующий. И горжусь этим. Верующий хотя бы потому, что всегда Заповеди Божьи стараюсь соблюдать. В меру сил своих скудных, понятное дело. А, вот, что касается вероисповедания – индивидуальное, наверное. Не верю я всем этим речистым и пафосным служителям культа, совсем – не верю. Предпочитаю с Богом – лично общаться.

– Лично? А это как? И где?

– Это, братцы, когда как. Очень хорошо в горах получается, или же на берегу тихого лесного озера. Ещё – с балкона здания высотного, в тихую звёздную ночь. Главное, чтобы в одиночестве полном. Да и горячительного чего перед таким общением – принять желательно.... Гы-гы-гы! Шутка такая, армейская насквозь.... Что это, Санечка, ты с таким интересом разглядываешь нашу мебелишку? Думаешь, что, мол, антиквариат махровый, специально приобретённый в комиссионных магазинах да на специализированных аукционах? Ничуть не бывало. Все вещи собственные и фамильные. Просто «бзик» у меня такой: очень трудно расстаюсь со старыми вещами. Для меня они – друзья закадычные. Столько лет мы с ними вместе прожили, горе и радости делили-мыкали. Вот, этот телевизор, к примеру, взять: я каждый шум-треск его понимаю, каждый телевизионный каприз знаю. Сколько матчей футбольных и хоккейных я по

нему пересмотрел – и не пересчитать. И работает он ещё совсем неплохо. То есть, вполне даже прилично.... Как же я его выброшу? Чего ради? Неправильно это будет. Не честно. Сперва вещи часто меняешь по принципу: модно-немодно, современно-несовременно. А что, интересно, потом? Вот, кот Кукусь: старенький уже, подслеповатый, да и беспородный вовсе. Что же мне теперь – Кукуся усыпить, а на его место другого кота покупать: молодого, модной породы? А, пардон, жена? Тоже не молоденькая уже, да и поворчать любит, меры совсем не зная. Её тоже – развестись и прогнать к нехорошей матери, да на молоденькой длинноногой модели жениться? Так что ли, если современным потребительским принципам и понятиям следовать?

– И что с того? – проворчал под нос Пашка. – Многие бизнесмены и политические деятели именно так и поступают. Особенно – кто при деньгах...

– А как же быть с престижем? – не удержалась от дежурного вопроса Сашенция (корреспондентка, как-никак). – Многие вещи просто престижно иметь. А, извините, статус? Вы же – генерал-лейтенант ГРУ, заслуженный человек, многократный орденосец, верно служивший нашей Родине на протяжении многих-многих лет. Вам полагается – статус свой высокий продемонстрировать.... Ведь, так же?

Противный кот с каминной полки мерзко замыкал – словно бы рассмеялся, а старик задал встречный вопрос:

– Ты, ведь, Сашутка, интеллектуалка? Ну, если отбросить в сторону ложную скромность?

– Если отбросить, то, безусловно.

– Тогда ты легко сможешь ответить на простейший и элементарнейший вопрос: какой грех – с церковной точки зрения – считается самым страшным и непростительным?

– Самым страшным? – задумалась Санька. – И непростительным? Наверное, убийство. Или же что-нибудь аналогичное, из той же оперы.

– А вот и нет! Не угадала, красотка купчинская! – назидательно подняв вверх толстый указательный палец правой руки, неожиданно обрадовался Громов. – Главный грех – это гордыня!

– Гордыня – в смысле – гордость?

– Совсем и нет. Гордость – это элементарное самоуважение. А гордыня, блин горелый.... Гордыня – страшная штука. Это очень сильное и дикое желание, чтобы все окружающие завидовали тебе. Твоему дому шикарному, твоей машине навороченной, часам с бриллиантами, костюму дороговущему, прочим придамбасам разным, включая жену-модель (девяносто-шестьдесят-девяносто, ясен пень), и кошку породистую. На какие только ухищрения и преступления современные людишки не идут, лишь бы соответствовать, лишь бы быть упакованным не хуже, а, желательно, лучше других.... Если на всё это внимательно и пристально посмотреть – одни лишь закоренелые грешники живут в этом вашем хвалёном «обществе потребления». А после этого все вокруг ещё и удивляются: почему это, мол, кризис демографический в большинстве стран Мира случился? Что тут странного, искренне не понимаю. Какие сейчас основные лозунги валяются на людей с телеэкранов? Перво-наперво: – «Бери, брат, от жизни всё!». Второе: «Бери от жизни – самое лучшее!» Третье: «Бери....». Понимаете, господа и дамы, логику порочную? Когда маленького ребёнка заводим, то ему же отдавать надо: и любовь, и ласку, и Душу, и деньги, и время.... А потребители наши (то есть, пардон, ваши), они же только брать умеют, а отдавать – ни-ни, ни за какие коврижки подгоревшие. Так что, нынче Человечество все шансы к вымиранию имеет, потому как грешно очень в гордыне своей непомерной, либо – к той гордыне стремясь.... Значит, Пётр, хочешь книжку написать – про батяню своего героического и его друзей боевых?

– Очень хочу, – задумчиво хрустя малосольным огурцом, подтвердил Горюнов.

– Что тебя, юноша, конкретно интересует?

– Ливийские события.

– Хм. Губа – не дура.... А, Сом? Как считаешь?

– Надо рассказать, – благодушно передёрнул плечами Пашка. – Чай, не убудет. А верить – не верить, это уже молодому человеку решать. А также и будущим читателям его...

– Это точно, – жизнерадостно хохотнул Громов. – Пусть уже сами решают, как и что.... Значится так. Посидим ещё немного, выпьем по капельке, перекусим, а после этого займёмся делами текущими. Будем собирать «Антоновку», «Зимний ранет», позднюю черноплодную рябину, японскую айву и калину. Ну, а Аркадий в это время...

– Мяу! – услышав своё имя, тут же откликнулся чуткий котёнок, сидевший на спинке старенького дивана и с любопытством поглядывавший в сторону дымчато-серого «дачного» кота.

– Молодец, приятель усатый. А ты – в это время – будешь старательно и активно охотиться за шустрými синичками, овсянками и полевыми мышками. Естественно, под грамотным руководством мудрого и опытного Кукуся.... Потом, уже вечером, как и водится, возле камина посидим. Утром же отправимся за грибами. Говорят, слой подосиновиков пошёл. Да и солонников в этом году много.... То бишь, молодёжь, вы будете собирать (сегодня), и искать (завтра), а я буду рассказывать. Ну, и Сом дополнит, ежели что.... Договорились? Вот, и ладушки. Приступаю, благословясь. Готовьте, граждане и гражданки, уши. Буду излагать, что называется, суровую мужскую прозу.... Не надо, Сашутка, «делать» такие испуганные глаза. Не будет никаких боцманских матерных тирад. И крови будет сугубо в меру.... В чём же тогда заключается обещанная «суровость»? Только в нескольких трагичных эпизодах. По-настоящему – трагичных...

Глава вторая

Девять

Итак, их было девять. Сергей Подопригора (армейское прозвище – «Горняк»), и Фёдор Горюнов («Горыныч»), находились в капитанских званиях. А все остальные – Артём Белов («Тёмный»), Григорий Антонов («Антон»), Александр Романов («Роман»), Егор Леонов («Леон»), Алексей Никоненко («Никон»), Павел Сомов («Сом»), и Алексей Петров («Алекс»), – являлись старшими лейтенантами. Только начиная с этого знакового звания, офицерам российского ГРУ разрешалось отправляться в зарубежные командировки. Правило такое железобетонное. Мол, простым лейтенантам ещё рано, так как не доказали пока – на деле – свою моральную устойчивость и преданность идеалам заветным...

То, что эта командировка будет не из простых, стало ясно ещё в Москве, когда объявили предстоящий маршрут.

– Ничего себе – зигзаги навороченные, – задумчиво поморщился белобрысый Алекс. – Москва – Гавана – Каракас – Марсель – Алжир. Заранее следы замечаем? Ну-ну. Знать, хлебом горюшка. Плавали – знаем.... А про цели и задачи нам так ничего и не разъяснили.... А?

– Разъяснят, – пообещал информированный Подопригора. – Руководство встретит в конечной точке и объявит. А пока, не теряя времени, облачаемся в неприметную полевую форму без погон и прочих знаков различия...

Только через неделю – после вылета из Москвы – они прибыли в Алжир, столицу одноимённого государства. Вернее, военно-транспортный французский самолёт приземлился на закрытом военном аэродроме, расположенном в пятидесяти пяти километрах от города, среди знойных и раскалённых песков.

– Подхватываем вещички и следуем к трапу, – скомандовал Горыныч, являвшийся старшим группы. – Спускаемся. Строимся.

– Зачем – строиться? – удивился Тёмный. – В том плане, что не перед кем. Ну, не наблюдается поблизости обещанного руководства.

– Отставить – разговорчики! Затем, что так полагается. Строимся, товарищи офицеры, по ранжиру.

– Построились.... Что дальше?

– Ничего. Стоим и терпеливо ждём...

Через пятнадцать минут надсадно загудел мощный автомобильный двигатель, и к самолёту подъехал пятнистый микроавтобус – старенький и обшарпанный.

– Почётная техника, спора нет, – негромко одобрил Сомов. – Боевая и заслуженная, сразу видно. Характерных отметин от пуль и осколков – завалились.... И кто же у нас за рулём? Затемнённые стёкла мешают рассмотреть.... Ага, машина остановилась, приоткрылась водительская дверка, и на Свет Божий появился.... Блин горелый, это же Палыч, собственной персоной. Знать, влипли по-взрослому. То бишь, по полной и расширенной программе...

И остальные офицеры слегка заволновались, непроизвольно принимая положение «смирно».

«Палыч», он же генерал-лейтенант Виталий Павлович Громов, считался в российском ГРУ фигурой легендарной, знаменитой и особенной. В чём заключалась эта «особенность»? Говорят, что, мол, высокие деревья – горазды притягивать молнии. Вот, и с генерал-лейтенантом Громовым наблюдалась та же самая история. Стоило ему лично возглавить какую-либо значимую операцию, как оно всё и начиналось: отчаянные перестрелки, безудержные погони, запутанные ситуации и, конечно же, «жмурики». Но это лишь с одной стороны. А что, пардон, с другой? С другой – ордена, медалки, щедрые премиальные и внеочередные звёздочки

на погонах. Мол, выбирай, боец. Хочешь спокойной и размеренной жизни, не обременённой излишним риском? Тогда, ёжики колючие, всегда обходи Громова стороной. Желаете ускоренного карьерного роста, громкой славы и красивых «висюлек»? Мечтаете попасть в очередную красивую легенду? Тогда, отринув сомнения, незамедлительно просись к Палычу, не пожалеешь. Армейская философия и диалектика голимая, короче говоря... А ещё Громов славился своеобразным юмором. Насквозь армейским и кондовым, понятное дело. Чисто на любителя. И болтливый был – до полной и нескончаемой невозможности. Из нетленной серии: – «Если не загрызёт, то до смерти заговорит...».

– Равняйся! Смирно! – отдал команду Горыныч. – Товарищ генерал-лейтенант...

– Отставить! Вольно! – вальяжно рыкнул Палыч. – Что ещё за «товарищ»? Да и со званиями надо срочно вносить коррективы... Вот, к примеру, в какую форму я сейчас выражен? А? Отвечай, Горюнов. Не жуй сопли зелёные и склизкие. А не то меня сейчас вырвет – прямо на твои сапоги начищенные.

– В насквозь незнакомую..., э-э-э...

– «Господин генерал», – любезно подсказал Громов. – А вы, следовательно, нынче являетесь просто – «господами офицерами». Без всяких там «старших лейтенантов» и «капитанов»... И так?

– В насквозь незнакомую, господин генерал.

– А поподробнее?

– Есть, поподробнее! – вновь произвольно вытянулся в струнку Горыныч. – В светло-светло-жёлтую, усеянную серыми и светло-бежевыми пятнами. А на правом рукаве френча размещены два чёрных шеврона, направленные «стрелками» вверх...

– Во, вверх! – назидательно продемонстрировал толстый указательный палец Палыч. – Потому как я – полноценный и заслуженный генерал. А чем занимаются на службе генералы? Правильно, разработкой высокой и непогрешимой стратегии. А также прочими заумными штуковинами, не подвластными простым смертным... У вас же, господа офицеры, будет по одному шеврону. Причём, с остриём, направленным сугубо вниз. А почему? Да потому, что вы люди – насквозь приземлённые. Ползать вам по местным гадким пескам – не переползать. Черви вы, одним словом... Гы-гы-гы! Отставить. Похохмили, и будет. Перехожу к делу... Значится так. В двухстах пятидесяти километрах от данного аэродрома, на алжиро-ливийской границе, располагается полевой лагерь специального военизированного корпуса ООН, к которому мы с вами все и приписаны. Пока только на четыре месяца, а там видно будет. Я, кстати, являюсь заместителем командующего данным воинским подразделением. Так, вот, получилось. По согласованию вопроса на самом-самом высоком уровне. Выше которого, просто-напросто, не бывает. Кроме Господа Бога, конечно... Попрошу заметить, что упомянутый воинский корпус, отнюдь, не миротворческий, а, наоборот, насквозь секретный и тайный. Как выяснилось, и такие бывают. Чего только не бывает – в этом непростом и изменчивом Мире. Большая политика, бойцы, дело тонкое. А местами и откровенно-грязное. Что на регионально-деревенском уровне, что в мировом масштабе. Так что, господа российские офицеры, необходимо проявлять максимум осторожности и дипломатичности.

– Это как? – не удержался от вопроса непосредственный Алекс.

– Мягкой лейтенантской задницей о твёрдый дверной косяк. Чтобы неповадно было – перебивать старших по званию, так тебя, балабола белобрысого, и растак... Теперь про армейскую дипломатию. Увидел, к примеру, в здешней знойной пустыне насквозь незнакомую смуглую морду – сразу же пристрелил. И только потом начинаешь выяснять, что данный подозрительный незнакомец забыл в тутошних песчаных барханах... То есть, тщательно обыскиваешь хладного покойника и все найденные в его карманах бумажки-документы рачительно складываешь в полевой офицерский планшет. Мёртвое же тело, понятное дело, старательно закапы-

ваешь в горячий песочек, поверх делаешь приметный продолговатый холмик и возвращаешься – с развёрнутым докладом – на базу.... Вопросы имеются?

– А если никаких документов при..., при неизвестном покойнике не обнаружится?

– Не проблема, боец. Чалму притащишь, это лучше любого паспорта. По арабской чалме знающий человек всё-всё расскажет об её хозяине. Мол, какого рода-племени, где и когда кочевал, даже – сколько имел жён и наложниц.... И так, если документов, всё же, не нашлось, то стандартным ножом отрезаешь у мертвеца голову (вместе с чалмой, естественно), помещаешь её в специальный полиэтиленовый пакет и – совместно с развёрнутым докладом – доставляешь на базу.... Что побледнели-то так, орлы бесстрашные? Или же – салабоны зелёные? Шутка такая, армейская насквозь.... Гы-гы-гы! Мать вашу.... Э-э, не расслабляться у меня! Рановато.... Вот, когда по полтора десятка ливийских диверсантов будет у каждого на счету, тогда и разрешу – оторваться по полной. Лично буду ходатайствовать перед руководством, чтобы вам – на обратном пути – разрешили в Марселе оприходовать всех шлюх тамошних, умелых и горячих. Гы-гы-гы.... Отставить! Ну-ка, губы развратные закатали обратно. Незамедлительно и плотно. К вам, Петров и Горюнов, это в первую очередь относится, морды сексуально-озабоченные.... Всё, инструктаж закончен.... Сколько вас всего? Девять? Безусловно, счастливое число. То ли по индуистской религии. То ли по тайской. То ли по древним верованиям североамериканских индейцев из свободолюбивого племени «сиу». Не помню уже, за давностью лет.... А так ли это и важно? Совсем не важно.... Прошу всех незамедлительно пройти в мой «Росинант». То бишь, в данный боевой и заслуженный автомобиль. Будем, благословясь, выдвигаться на объект...

Микроавтобус неизвестной марки (то ли южнокорейской сборки, то ли тайваньской), неторопливо катил по окраинам Алжира, а Виталий Павлович, ловко управляясь с автомобильной баранкой и, словно бы подтверждая легенды о своей неуёмной разговорчивости, громко и размеренно вещал:

– Алжир (столица одноимённого государства, имеется в виду), расположен на западном берегу Алжирского залива, у подножия и по склонам местных покатых холмов. Город чётко разделен на два больших района – Верхний и Нижний. Верхний – это старая часть города, с беспорядочными узкими улицами-переулками, на которых сгрудились одноэтажные домики, хижины, лачуги и прочие халупы. Нижний же город построен французами. Это, как легко догадаться, современная часть здешней столицы – с высотными банковскими зданиями, фешенебельными гостиницами, модными ресторанами, навороченными бутиками и широченными вечнозелёными бульварами.... На арабском языке название Алжира звучит как – «Эль-Джазаир», что в переводе означает – «Острова». Мол, в стародавние времена вблизи городского побережья располагались четыре больших острова, которые в шестнадцатом веке стали, не без участия человека, материковой частью.... А первые торговые поселения на месте нынешнего Алжира, по утверждениям авторитетных археологов, возникли ещё в четвёртом веке до новой эры, во времена легендарных финикийцев. Потом эти места были захвачены древними римлянами, которые и построили здесь крепкий и надёжный порт.... Шли времена. Великая Римская Империя, под ударами злобных гуннов и могучих варваров, приказала долго жить. Из Сахары приползли коварные зыбучие пески, поглотившие римские постройки. Но вслед за песками пришли и арабы. И уже в 944-ом году нашей эры берберский правитель Ифрикии Бологин ибн Зири на месте древнеримских руин выстроил новый город.... В дальнейшем будущему Алжиру предстояло пережить три с половиной столетия плотных и мутных нестабильностей, связанных с незатихающими и кровопролитными междоусобными войнами. А в 1302-ом году остров Пеньон-де-Апжир, располагавшийся неподалеку от побережья Алжира, заняли жадные испанцы. Ну, оно и завертелось по новой. Сплошные кровопролития и войны, я имею в виду.... В начале шестнадцатого века эмир Алжира Селим Теуми призвал на помощь извест-

ных пиратов – братьев Аруджа и Хайрадина Барбаросса, мол, помогите, родимые единовѣрцы, избавиться от жестокосердных и злокозненных испанцев. Но у коварных братьев были свои стратегические планы на этот счет: вскоре наивный эмир был казнѣн, а Алжир стал – на долгие-долгие годы – главной пиратской базой в Магрибе.... Короче говоря, этим местам никогда не везло. Ни одно, так другое. После окончательного «разгона» пиратов в начале девятнадцатого века началась французская колонизация, тоже не принесшая многострадальному местному населению ничего доброго и хорошего.... Что сегодня здесь делает «ооновский» корпус? Охраняет, понятное дело, многочисленные нефте– и газопроводы, перекачивающие – из раскаленных песков Сахары в сонную Западную Европу – особо ценные энергоносители. Причѣм, неважно, кому эти коммуникации принадлежат: полковнику Каддафи, его идейным врагам, алжирскому Правительству, западным международным корпорациям. Совершенно и навсегда – неважно. Совсем. Главное, чтобы газ и нефть бесперебойно и гарантированно перетекали в нужном направлении.... Наша с вами сегодняшняя задача – действительно пресекать всевозможные диверсии. Кто бы и против кого бы их ни направлял. Даже под самыми благовидными предложениями, мол: – «Мы боремся с гадким тираном Каддафи...». Боритесь, господа демократы, не вопрос. Но, только не трогая газо– и нефтепроводов, так вас всех и растак. Иначе, извиняйте, тюрьма. И это, понятное дело, в лучшем случае....

Вскоре микроавтобус успешно покинул пределы алжирской столицы. Просѣлочная (местами даже заасфальтированная), дорога уверенно вела на юго-запад. Впереди, а также и со всех остальных сторон, были только пески: жѣлтые, серые, рыжие, зыбучие...

Иногда за автомобильными окошками мелькали крошечные населѣнные пункты, очень похожие на обыкновенные среднеазиатские аулы: низенькие глинобитные хижины и островерхие шалаши, выстроенные из разнообразного подручного материала, между которыми лениво бродили худощавые грязно-белые козы, двугорбые облезлые верблюды, блохастые собаки и оборванные смуглолицые детишки.

– Я уже с головы до ног пропотел, – через полтора часа пути, в очередной раз прикладываясь к бутылке с водой, пожаловался Никоненко. – «Росинантовский» кондиционер практически не работает. Так, только видимость одна. Чѣрт знает, что такое. Приоткрываешь автомобильное стекло – тут же в салон набивается едкая светло-жѣлтая пыль: чихать замучаешься. Закрываешь – вязкая духота наваливается. Бред законченный и бредовый...

– Отставить – бубнить! – велел Громов. – Жарко ему, видите ли. Цаца какая выискалась. Здесь днѣм за сорок градусов – самое обычное дело. На совесть у меня попотеете, за четыре-то месяца. Так что, бойцы, привыкайте. И пить надо сугубо в меру, по несколько глотков за час. Нельзя в пустыне по-другому.... Потом вам еще инструктор из здешних берберов развернутую лекцию прочитает – относительно всяких змей, скорпионов и прочих гадких пауков. В этих местах всякой живности ядовитой – без счѣта. Но не ссыте в компот яблочный раньше времени. На каждый тутошний яд и противоядие соответствующее разработано. Ну, или почти на каждый. Не без этого.... Ага, появился достойный повод для краткого привала. Сейчас познакомлю вас с очередной местной достопримечательностью, только бинокль достану из «бардачка». Заодно и старина «Росинант» отдохнет немного....

Микроавтобус, аккуратно съехав на обочину, остановился. Пассажиры выбрались наружу. Лѣгкий ветерок, дувший с юга, был горяч, сух и колюч – казалось, что лица осторожно касается прозрачная наждачная шкурка. Воздух пах многовековыми пожарищами, расплавленным стеклом и хронической усталостью.

В нескольких метрах от автомобиля обнаружился огромный светло-жѣлтый череп.

– Ничего себе, хрень! – осторожно трогая череп подошвой сапога, восхитился непосредственный Петров. – Даже клыки из челюсти торчат. Солидные такие. Похоже, острые.... Кто это, Виталий Палыч? Я имею в виду, кем он был при жизни?

– Это, боец любопытный, загадка африканской природы, – откровенно заважничал генерал-лейтенант. – По здешней вольной пустыне кто только не шастает.... А теперь попрошу всех посмотреть направо, – взмахнул рукой в нужном направлении. – Видите – широкий распадок, проходящий между двумя высокими барханами?

– Так точно, – отрапортовал за всех Никон. – Видим.

– А тёмную одинокую фигурку, бредущую на запад?

– Ага, есть такая. Вроде, как рогатая.... Пустынный баран?

– Сам ты, боец, такое слово обидное. Вот, держи бинокль. Наводи и регулируй чёрными колёсиками дальность-резкость.... Ну, что наблюдаешь? Вернее, кого?

– М-м-м....

– Отставить – сопли жевать! Докладывай чётко и внятно.

– Есть, докладывать! Есть, внятно.... По песку следует мужик в пятнистом камуфляже. Только мужик...э-э-э, с головой козла. Рога чёрные и охренительные. Длинная бородёнка с проседью. Вот.... Похоже, что очень высокий. Возможно, даже выше двух метров. Куцый хвост с мохнатой кисточкой – через аккуратную дырку в штанах – высовывается.... А обуви на нём нет. Совсем. В том смысле, что из-под коротких пятнистых штанин торчат чёрные здоровущие копыта. Хрень какая-то.... Кто это такой, господин генерал?

– А сами что думаете по этому поводу, орлы российские? – вопросительно нахмурился Громов. – Какие будут мнения? А, не слышу? Соображения? Предположения?

– Разрешите? – изображая из себя вежливого школьника, вскинул вверх правую руку бородатый Подопригора.

– Излагай, Горняк. Послушаем.

– Перед нами – обыкновенные пустынные миражи, на которые, как всем известно, так богата Сахара африканская.... Разве нет?

– Хрен его знает, – вежливо прикрывая рот ладошкой, лениво зевнул Виталий Палыч. – Официально так и считается, мол, миражи. А, вот, здешние берберы клятвенно уверяют, что это самые настоящие инкубы, поселившиеся в Сахаре ещё с древних и незапамятных времён.... Знаете, кто это такие? Ага, Белов, судя по глазам, знает. Как же, целых три с половиной года проучился в Университете. Поделись-ка, Тёмный, своими знаниями с коллегами по благородному ремеслу.

– Слушаюсь! Инкуб, согласно многочисленным средневековым легендам, это такой распутный демон, без устали ищущий сексуальные связи с женщинами....

– Так это же – наш Горыныч, – не сдержавшись, прыснул смешливый Лёха Петров. – Практически один-в-один. Постоянно, гадом буду, ищет.

– Гы-гы-гы! – одобрительно заржал Громов. – Действительно, Горюнов – бабник знатный и заслуженный. Много-много раз на него сигналы поступали соответствующие. То бишь, о детках, рождённых вне семьи законной и официальной.... Ладно, проехали. Продолжай, Белов.

– Слушаюсь! В большинстве авторитетных источников инкуб описывается – как безобразное существо, часто напоминающее огромного козла. Но может принимать внешний вид как мужчины в самом расцвете сил, так и сатира. Среди других образов часто фигурируют инкубы в обликах собаки, кошки, оленя, быка, косули, ворона, аиста и даже змеи. Однако, как утверждают древние манускрипты, даже звериный облик не мешает опытному инкубу иметь полноценные плотские отношения с «земными» женщинами....

– Тьфу, гадость какая, – с отвращением сплюнул под ноги брезгливый и вечно-хмурый Романов. – Господин генерал, разрешите обратиться?

– Обращайся, боец.

– Давайте, попробуем отловить данного рогатого засранца, а? Обойдём тёмно-рыжие барханы с двух сторон, да и повяжем. Ничего хитрого. Если, понятное дело, это не мираж.

– Пробовали уже, Роман. Причём, неоднократно. И мы. Да и без нас. Ничего не получается. Ничего и даже меньше. Исчезает, сука рваная и коварная, в самый последний и решающий момент. Словно сквозь землю проваливается...

– А если из снайперской винтовки, тщательно прицелившись, пальнуть? Или же из подствольного гранатомёта?

– Палили. Пули всегда мимо пролетают. Мины, не долетая, в воздухе взрываются.... Тут, братцы, дело совсем в другом.

– В чём же?

– Кроме инкубов, ещё и суккубы существуют.... Белов.

– Я!

– Просвети-ка боевых друзей.

– Суккубы, это такие могущественные демоны в женских обличках. Они охотятся на мужчин...

– И, поймав, затрачивают их до смерти, – довольно улыбнувшись, закончил фразу генерал. – Поэтому, господа офицеры, во время этой командировки не рекомендую вам – даже близко подходить к тутошним симпатичным девам. Запросто можно нарваться на ненасытного и безжалостного суккуба.... Гы-гы-гы! Гы-гы-гы.... Всё, поохмили, и будет. Хорошего понемногу. Следуем, подчинённые, дальше. Мой верный «Росинант» всегда к вашим услугам.... Кстати, приличная дорога в этом месте обрывается. Дальше поедет уже чёрт знает – по каких ухабам, рытвинам и колдобинам...

В стационарный лагерь «ооновского» корпуса они въехали уже ближе к вечеру, когда неправдоподобно-огромное тёмно-янтарное солнце уже уверенно двинулось к западной части горизонта.

– Ничего себе! – восхищённо присвистнул Сомов. – Да тут полноценный военный городок – на три-четыре сотни вояк – оборудован. И пятнистые армейские палатки выстроились в несколько бесконечных рядов. И комфортабельные сборно-щитовые домики (для высокого руководства, ясен пень), имеются...

– Отставить – гнилую критику! – плавно нажав на тормоз, скомандовал Громов. – Приехали. Выметайтесь из служебного авто. Ваша палатка – крайняя во втором левом ряду. А ты, Горыныч, следуй вон к тому домику. Сдашь там командировочные документы, распишешься в получении постельных и туалетных принадлежностей, получишь продовольственные аттестаты на всех членов рабочей группы. А я, братцы, поехал. Дела. Завтра утром встретимся. Адиос, бойцы...

Генерал укатил.

– Ведите себя достойно, отроки. Аки агнцы Небесные, непогрешимые, – велел Горюнов, после чего дисциплинированно зашагал к прямоугольному одноэтажному строению под светло-серой пластиковой крышей.

– А почему это Горыныч иногда говорит – как нормальный человек, а иногда, как..., как склочный монах из провинциального монастыря? – поинтересовался Сомов.

– Наш Фёдор Иванович в молодости несколько лет отработал нелегалом в дальнем зарубежье, – проинформировал Подопригора. – Причём, именно под «личиною» священника. В «Русской Православной Церкви Заграницей». Говорят, что успешно и грамотно отработал. Даже дельной сетью высокопоставленных осведомителей и агентов обзавёлся. Но потом неожиданно, как назло, началась приснопамятная горбачёвская Перестройка, и капитана Горюнова, вручив скромный дежурный орден, срочно отозвали на Родину. Бывает...

– Ну, никак не тянет Горыныч на заслуженного попа. Скорее, уж, наоборот, является классическим воплощением такого небезызвестного термина-понятия, как – «отвязанный наёмник, жизнь вволю понюхавший и разные виды повидавший...». А где, кстати, он заработал свой офигительно-красивый шрам на полрожи? Толстый такой, багрово-фиолетовый, очень элегантно змеящийся от правого виска – через толстый нос – к левой скуле волевого подбородка. Картина маслом, мать его.

– Говорят, где-то на юго-востоке... Эй, Алекс, обернись. Честное слово, не пожалеешь... Смотри, какая безумно-сексуальная девица на тебя уставилась. Прямо-таки прожигает взглядом заинтересованным.

– Ерунда какая-то, – непонимающе передёрнул плечами Лёха. – Обозналась, наверное...

Безусловно, он знал, что мускулистая фигура независимого и брутального мужчины – всегда и везде – притягивает к себе женские взгляды: заинтересованные, любопытные, игривые, развратно-похотливые, далее – по расширенному списку. Но этот взгляд был особенным – откровенно-насмешливым и вызывающим. А ещё (самое странное), и однозначно-приветливым. Добрым и лучистым. Что было странно вдвойне. Если, конечно, не в тройне и не в четверне. Мать его непонятливую...

Алекс, не дрогнув ни единым мускулом лица, внимательно и пристально всмотрелся – секунд на семь-восемь – в любопытные тёмно-зелёные девичьи глазищи, а потом, дождавшись, когда эти глаза смущённо вильнут в сторону, мысленно подытожил: – «Долго выдержала, однако. Молодец. Хвалю. Обычно они сдаются гораздо раньше. Дерзкие юные мартышки, имеется в виду, возомнившие чёрт знает что о своей девичьей красоте и полной неотразимости... Эта? Совершенно ничего особенного, на первый взгляд. Чуть ниже среднего роста. Строй-ненькая, с ярко-выраженной талией. Но плечи и бёдра явно шире «модельного» показателя – «девьяности». Лет двадцати четырёх-пяти... Что ещё? Фигурка – ладная, спортивная и плотная. Сразу видно, что в детские и юношеские годы серьёзно и вдумчиво занималась спортом. И, отнюдь, не художественной гимнастикой... Чем же тогда? Греблей на байдарках и каноэ-каноэ-каноэ? Или же метанием легкоатлетического копья (или, допустим, диска), на дальние расстояния? Ну-ну... Что ещё? Рыженькая такая. Вернее, медноволосая, с короткой и необременительной стрижкой-причёской. А лицо – сплошные милые веснушки. Хм... Что-то такое ненавязчиво-прибалтийское присутствует в её внешнем облике. Латышское, я бы даже сказал. И... и... И однозначно знакомое-знакомое. Нет, не вспомнить... Одетая в неприметную штатскую одежду, которая, впрочем, совсем и не скрывает всех её женских достоинств. Даже, наоборот... Кем она здесь трудится? Медсестрой? Или же поварихой? Интересное кино...».

– Эй, Петров, не увлекайся, – ткнул его локтем в бок приземлённый и грубый Подопривора. – Вдруг, это он (она?), и есть – коварный и неумный суккуб? Генерал же предупредил об опасности нешуточной. Так что, братишка, поберегись. Типа – от греха подальше...

– Иди ты, юморист доморощенный.

– Сам иди. В том смысле, что вместе пошли. В «ооновскую» палатку. Обживаться будем...

То есть, их патрули-караулы весь световой день настойчиво и целенаправленно обходили крутые и пологие склоны Чёрного ущелья, высматривая следы пребывания подлых ливийских диверсантов. Или же, наоборот, жутко-прогрессивных повстанцев, желающих взорвать – к нехорошей матери – какой-либо из нефтепроводов, принадлежавших богатенькому диктатору Каддафи.

Иногда следы обнаруживались, о чём тут же по радиации сообщалось на базу. Тогда в воздух поднимались хищно-эстетичные «Ирокезы²» и, изредка постреливая, начинали старательно кружить-барражировать над барханами, ущельями и лощинами...

А в обеденное время следующего дня, после ночёвки у походных костров, патрули встречались у приметной гранитной скалы и – уже совместно – возвращались к руслу безымянного ручья, где их поджидал знакомый пятнистый автофургон.

Ночёвки у походных костров? В самом сердце дикой Сахары? То ещё мероприятие, спора нет. Насквозь загадочное, экзотичное, романтическое и наполненное – до самых краёв – философскими беседами-разговорами. А иногда и знаковое, в чём Артём Белов убедился лично.

Это произошло во время их третьего совместного патрулирования.

Дневной обход вверенной местности ничего не дал. В том смысле, что ничего мало-мальски подозрительного обнаружено и замечено не было. И они – к закату солнца, сделав по дороге пять-шесть кратких привалов в тени тёмно-красных скал, – успешно дошагали до Шестого рыжего бархана, где и решили остановиться на ночлег, благо, что дров здесь было в достатке. Во-первых, бескрайняя полоса сухого колючего кустарника. А, во-вторых, обгоревшие останки длинных щитовых барачков.

– В этом месте, Тёмный, когда-то давно располагались наши армейские склады, – объяснил Аль-Кашар на причудливой смеси французского, английского и арабского языков. – Прилетел большой-большой военный самолёт, сбросил пузатые чёрные бомбы, бараки сгорели. Дотла. Потом прилетел другой военный самолёт, ещё больше первого. Обрызгал всё вокруг очень ядовитой водой. Кусты, чертополох и верблюжьи колючки сразу же засохли. Все верблюды и козы сдохли. Берберы навсегда ушли из Чёрного ущелья. Навсегда.

– Самолёты были ливийские? – уточнил Артём. – Ну, те, которые сбрасывали «очень ядовитую воду»?

– Нет, французские, – нахмурился бербер. – Давно это было. Не будем больше говорить про французские самолёты...

– Не будем, – покладисто согласился Артём, а про себя подумал: – «Похоже, что прав был мудрый Виталий Палыч. Грязное это дело – большая политика...».

Они разожгли небольшой, но уютный и жаркий костерок (ночью в пустыне достаточно холодно, особенно на рассвете), поужинали нехитрой, но калорийной снедью из «ооновского» сухого пайка и вволю напились ароматного походного чая.

Костёр продолжал бодро и оптимистично потрескивать, а красно-розовое и неправдоподобно-большое солнце коснулось своим краем далёкой линии горизонта. Вокруг, если не считать, конечно, потрескивания костерка, было тихо-тихо. То бишь, идеально тихо – ни тебе жужжания приставучих насекомых, ни предзакатных вскриков-песенок птиц.

Неожиданно Аль-Кашар, хищно оскалившись, указал рукой на юго-запад и сообщил – с непонятными интонациями в голосе:

– Лобо идут. Крысолоты.

Артём навёл полевой бинокль в указанном направлении. По узкому распадку – руслу давным-давно пересохшего ручья – передвигалась (ползла, змеилась?) длинная цепочка, состоявшая из пятидесяти-шестидесяти поджарых животных.

---

² «Ирокез» – американский армейский вертолёт

«Одичавшие собаки? Или же волки?», – пробежали в голове пространные мысли. – «Больше всего они напоминают русских лисиц, только на очень длинных ногах. Ну, и шерсть не такая густая, да и хвост не такой пышный. А остроухие длинные мордочки, безусловно, лисьи... Окрас? Сильно отдаёт рыжиной. Но это, скорее всего, задумчивые лучи заходящего солнца так подсвечивают – с элементами авторской фантазии. Возможно, что шкура лобо – при стандартном дневном освещении – будет выглядеть совсем по-другому. То бишь, скучно-серо-желтоватой...».

– Милые и забавные собачки, – отведя бинокль от глаз, высказал своё мнение Артём. – Забавные такие. Наверное, полностью безобидные. Может быть...

– Ну, это как сказать, – закуривая крепкую французскую папиросу «Голтуз», в очередной раз завёл разговорную философскую шарманку Аль-Кашар. – У каждой медали, как известно, имеется две стороны. Как, впрочем, и у каждой серьёзной природной сущности. Вот, и с этими пустынными рыжими волками – та же история... С одной стороны, лобо очень полезны. Они – лучшие ловцы крыс на этом призрачном и неверном Свете. Если, к примеру, в какой-либо части Сахары развелось избыточно много прожорливых крыс, то туда – без промедлений – доставляют молодых лобо. Иногда бедуины отправляются по пустыне (на верблюдах, естественно), за пятьсот-шестьсот километров, чтобы разжиться щенками пустынных волков. Крысы – это очень плохо для маленьких верблюжат и козлят, могут ночью загрызть до смерти. Если не всех, то многих. Лобо – безжалостно уничтожают подлых крыс, это очень и очень хорошо... Но голодные лобо иногда по ночам – всей стаей – нападают на беспечных путников, заночевавших в пустыне. Они не брезгают человечинной. И, что хуже всего, совершенно не боятся огня...

– Э-э! – забеспокоился Артём. – Значит, пустынные волки могут – сегодняшней ночью – наброситься на нас?

– Могут, – невозмутимо пуская в вечернее бездонное небо сизые табачные кольца, согласился бербер. – Но не нападут.

– Почему – не нападут?

– Потому, что я сейчас прогоню их. Есть один древний берберский секрет, доставшийся мне от прадеда. Лобо будут бежать отсюда прочь – всю ночь напролёт. Очень быстро бежать. Со всех своих мохнатых лап. До самого рассвета...

Аль-Кашар тщательно затушил папиросу о рифленую подошву своего тёмно-серого армейского ботинка с высокой шнуровкой, бросил окурочек на ярко-малиновые угли, отошёл от костра на несколько шагов в сторону, задрал голову к небу, крепко зажмурил глаза и, поднеся к губам сложенные рупором ладони, завыл.

Поздний «сахарский» вечер тут же наполнился бесконечно-печальными и безгранично-тоскливыми звуками. Вой, подхваченный и многократно усиленный чутким эхом, плыл над бескрайней пустыней плотным и всепроникающим маревом. Плыл и плыл, постепенно охватывая-обволакивая собой всё вокруг.

Пустынные волки, словно бы получив некий тайный сигнал-команду, резко остановились и, напряжённо повернув свои ушастые головы в сторону Шестого рыжего бархана, застыли – абсолютно неподвижными изваяниями. Вскоре мелодия воя резко изменилась: к печали и тоске добавились нотки колючей тревоги, потом – отголоски вселенского неотвратимого ужаса... Лобо, резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, дружно и целенаправленно рванули прочь, постепенно превращаясь в крохотные тёмно-рыжие точки...

Когда Аль-Кашар плавно отвёл ладони ото рта, и вой постепенно затих вдали, Артём попросил:

– Научи меня, друг, пожалуйста, этому высокому искусству.

– Почему бы, собственно, и нет? – невозмутимо пожал узкими плечами бербер. – Научу, конечно, Тёмный. На этом странном и призрачном Свете любое умение может пригодиться. Неожиданно для всех. Даже и для самого умельца.

За последующие – за этим происшествием – три месяца им ещё не раз встречались на пути стаи рыжеватых лобо, и Артём, в конце концов, неплохо научился отпугивать этих коварных хищников. А самого Аль-Кашара – уже в самом конце их командировки – достал-таки безжалостный ливийский стрелок. Полчерепа снесло бедняге. Бывает...

Потом случайно выяснилось, что этот «берберский» вой пугает (до острых желудочных коликов и внепланового испражнения), а также разгоняет в разные стороны не только пустынных шакалов, но и бродячих собак, и лесных волков, и африканских львов, и всех прочих хищников, да и диких свирепых туземцев-каннибалов, проживающих на далёком острове Новая Гвинея. Неоднократно Артёму Белову пригождалось это умение. Неоднократно и эффективно.

Впрочем, это уже совсем другая история...

Глава четвёртая

Амальгама

На пятые сутки пребывания наших героев в стационарном лагере «ооновского» корпуса случилось-произошло одно немаловажное событие-происшествие.

Дело было уже вечером, когда российские офицеры, успешно завершив все плановые служебные мероприятия, отправились на ужин в самое просторное сборно-щитовое строение лагеря (их «ужинная» смена была третьей, предпоследней).

В столовой, рассчитанной на одновременное пребывание ста пятидесяти активных едоков, былолюдно, бестолково и очень шумно – сплошной разговорный гвалт и весёлые смешки, щедро разбавленные бодрым звяканьем-перестуком алюминиевых ложек-вилок о поверхности мисок и тарелок.

Неожиданно всё стихло.

– Что такое? – обеспокоенно завертел головой по сторонам Алекс. – Никак, кто-то умер? Ох, и ничего же себе – сюрпризец... Посмотрите, ребята, какая ослепительная голливудская звёздочка возжелала отведать наших армейских харчей и разносолов...

Возле входной двери в столовую стояла, картинно подбоченясь и пряча глаза за тёмно-жёлтыми стёклами модных пляжных очков, высокая блондинка со слегка вьющимися волосами до плеч. А пятнистая «ооновская» форма очень выгодно подчёркивала все женские особенности и достоинства её стройной фигуры. Ну, очень и очень выгодно. Очень и очень стройной. И все-все-все...

– Алёна! – восторженно выдохнул Подопригора и, вскочив на ноги, резво припустил к двери.

После этого последовали жаркие объятия и затяжные поцелуи, сопровождавшиеся страстными вздохами-всхлипами. А ещё через минуту-полторы Горняк и неизвестная умопомрачительная блондинка, обнявшись, покинули помещение столовой.

– Что это за бикса козырная? – громко сглотнув слюну, поинтересовался Сомов.

– Сам ты, отрок бестолковый, такое обидное слово. Как любит выражаться наш бравый генерал-лейтенант, – беззлобно усмехнулся Горыныч. – А прекрасная амазонка, которую мы только что имели честь лицезреть, это – Алёна Мальгина. Армейское прозвище – «Амальгама». Майор ГРУ. По крайней мере, месяцев шесть-восемь тому назад, когда я с ней пересекался в последний раз, Амальгама состояла в майорском звании. Сейчас, возможно, уже пошла на повышение. С неё, шустрой и отвязанной, станется... Легендарная и очень способная барышня, короче говоря. А ещё она является гражданской (вернее, армейской), женой нашего Горняка. Счастливчик, иначе и не скажешь...

– Серьёзно? Неожиданный расклад... А как они познакомились? И, вообще... Расскажи, капитан, про Серёгу и Амальгаму. Ну, интересно же. Типа – пожалуйста.

– Ладно, оторвы «грушные». Слушайте, морды неприкаянные. Весьма поучительная и позитивная история – для сословия лейтенантского. На сегодняшний текущий момент, по крайней мере... Не против, если я буду рассказывать от третьего лица? Привычка у меня такая, от Палыча перенял... Вот, и ладушки. Итак, приступаю...

Ох, не ко времени Сергей Подопригора окончил славный Ленинградский Горный Институт имени пламенного революционера Г.В. Плеханова. Не ко времени, мать его! Вернее, не в то Время...

«Горбачёвская» перестройка потихоньку отшумела. В многострадальной и многогрешной матушке-России уже всю разворачивались-гремели псевдо-рыночные реформы, иници-

ированные... Кем, собственно, придуманные, разработанные и инициированные? Ельциным? Гайдаром? Вряд ли. По-настоящему умные люди (которые, как известно, не любят публичности), лишь презрительно ухмылялись и прозрачно намекали – в частных кухонных разговорах – на происки коварного и подлого американского ЦРУ, за которым, бесспорно, стояли, стоят и будут вечно стоять всякие там Рокфеллеры и Ротшильды.

Бог им всем Судья, сосёнки точёные и стройные. Мол: – «Не судите, да не судимы будете. А виноватого, впрочем, как и проигравшего, без вины не бывает...».

Ладно, хватит о глобальном. Перейдём к скучным бытовым частностям.

Как-то совсем незаметно российская геология пришла в мрачный и полный упадок, одна за другой закрывались геолого-разведывательные партии, а на их месте открывались партии иные – политические, бесстыжие и без всякой меры жадные.

Пришёл Сергей, гордо потрясая своим «красным» дипломом, в одну уважаемую геологическую контору, во вторую, в третью, в четвёртую. Мол: – «Жажду – послужить славной российской геологии...». Бесплезно всё. Везде звучал один и тот же дежурный ответ, он же – приговор: – «Мальчик, ты окончательно сошёл с ума. У нас идут сплошные сокращения списочного состава. Регулярные и бесконечные такие. Приходится увольнять опытных и заслуженных людей, в том числе, орденосцев и лауреатов всяческих Государственных премий. А у тебя, милоч бородатенький, даже реального производственного опыта нет... Гуляй, роди-мый, гуляй. Киоск, торгующий пивом и сигаретами, к примеру, открой. Или же «челноком» заделайся: летай себе, горя не ведая, в знойные Арабские Эмираты – за японскими телевизорами, тайваньскими видеомагнитофонами и южнокорейскими кожаными куртками. Или, для пущего разнообразия, в солнечную Турцию – за ароматными духами и качественным дамским нижним бельём. Торговля, как известно, она является двигателем прогресса. Капиталистического прогресса, понятное дело...».

Но Подопригора был человеком консервативным, цельным и очень упрямым. Не хотел он – до стойкой тошноты – заниматься пошлой и меркантильной торговлей. Не хотел, и всё тут... А чем, пардон, хотел? Геологией, естественно, которую обожал до полной потери пульса.

Взял Серёга в частном банке приличный кредит, заложив комнату в коммунальной квартире, доставшуюся от покойной бабушки, открыл фирмочку, купил старенькую буровую установку на базе грузовика ГАЗ, другое необходимое оборудование и начал оказывать владельцам дачных участков и загородных домов качественные услуги – по бурению скважин на питьевую воду. Дело оказалось безусловно-прибыльным, бизнес уверенно шёл в гору. Но тут, как назло, случился-приключился страшный ночной пожар, и гараж, в котором стояла его буровая установка-кормилица, сгорел дотла. Отдавать кредит было не с чего, и «бабушкина» комната – в конечном итоге – отошла банку. Бывает. Злобный и беспощадный оскал рыночно-капиталистических отношений, будь он неладен...

Денег не было. Совсем. Как и малейших перспектив найти работу. Вес тела стал неуклонно таять, причём, без всяких новомодных фитнесов. Жрать хотелось – до полной и нескончаемой невозможности. Хоть в петлю лезь, образно выражаясь. Даже в дворники и грузчики не брали, мол, все вакансии заняты покладистыми и выносливыми «нацменами».

Поголодав с недельку, он обратился за советом к родному дядьке, полковнику в отставке, мол: – «Что делать дальше? Как жить? Научи, опытный и виды выдавший человек. Подскажи. Укажи нужную жизненную тропку...».

Дядька долгих и мудрых советов давать не стал, просто позвонил кому-то по телефону, поболтал пару-тройку минут, после чего написал на бумажном листе название улицы и номер дома, протянул, молча, листок племяннику и многообещающе подмигнул.

Подопригора, не теряя времени, тут же выехал по указанному адресу – в район Смольного.

Неприметный трёхэтажный особнячок грязно-жёлтого цвета, окна, оснащённые солидными чугунными решётками, массивная железная дверь. На входе его встретили хмурые ребята в пятнистом камуфляже – вопросов задавать не стали, внимательно ознакомились с предъявленным паспортом и отправили на второй этаж, мол, к начальнику отдела кадров.

В нужном кабинете обнаружился – за солидным антикварным письменным столом – низенький седовласый человек в штатском, но с характерной армейской выправкой.

– Как же ты, братец, на дядю похож! – искренне обрадовался человек. – Вылитый Артём Подопригора в молодости! Мы с твоим дядюшкой – в своё время – славно покувыркались. С автоматами Калашникова в руках, ясен пень.... Где конкретно, спрашиваешь, кувыркались? А во всяких южных и очень беспокойных странах, мать их всех оптом и, что характерно, в розницу.... Ты, юноша широкоплечий, хоть знаешь, куда пришёл?

– Не знаю, – по-честному признался Сергей.

– Узнаю моего закадычного друга Артёмку. Секретность, она превыше всего.... Кстати, обязан представиться. Подполковник Мясницкий, Василий Васильевич. Руководитель отдела «К-4».

– Очень приятно. А, вот, отдел «К-4»... э-э-э,...

– К какому ведомству он относится?

– Ага. К какому?

– К доблестному Главному разведывательному управлению Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации. ГРУ ГШ ВС России, если сокращённо, – таинственно улыбаясь, сообщил подполковник. – Впечатлён, молодой человек?

– Есть немного.

– Готов вступить в славные и непогрешимые Ряды?

– В принципе, готов, – замялся Подопригора. – Если, конечно, э-э-э....

– Если в нашей Конторе полноценно и регулярно выплачивают денежное довольствие?

– Так точно.

– Выплачивают, – заверил Мясницкий. – Регулярно и без существенных задержек. Сколько? Вполне достаточно, на хлебушек с маслом сливочным хватает. Иногда, по праздникам, и на красную икорку – поверх упомянутого маслица. В зависимости от воинского звания и выслуги лет, а также учитывая реальные боевые заслуги и местность, в которой работает-трудится конкретный сотрудник.... Устраивает такой ответ? Молодец, будущий боец.... Значит, согласен Родине послужить? Тогда перехожу к конкретике. Создаётся специальная группа офицеров для рабочей командировки в Социалистическую Республику Вьетнам. Несколько лет тому назад между Вьетнамом и Китаем (про это в наших газетах лишь мельком упоминали), приключился небольшой вооружённый конфликт. Из-за чего и почему – неважно. Главное, что приключился и очень быстро завершился. То бишь, крепкая дружба между двумя братскими народами вновь восстановилась, как ей и полагается. Но за период означенного конфликта стороны, справедливо и обоснованно опасаясь друг друга, заминировали приграничные территории старательно, тщательно и повсеместно. Что называется, по нескольку раз. А хорошая земля в тех краях – на вес золота. Поэтому необходимо, не лентяй, всё там тщательно зачистить, разминировать и привести в образцово-мирный порядок.... Спросить о чём-то хочешь?

– Так точно, – признался Сергей.

– Спрашивай.

– Ведь, у вьетнамцев имеется и собственный богатый военный опыт. Почему же они самостоятельно, без посторонней помощи, не могут разминировать данные территории?

– Конечно же, и сами могут. Без вопросов. Но наверху, в Москве белокаменной, решили, что без нас там не обойтись. Ни за что и никогда. Большая политика, братец, это тебе не портянка позапрошлогонья, заскорузлая. Понимать надо.... И, вообще, если тебе деньги не особо

нужны, то так, милок, и скажи. Не вопрос. Других желающих, не таких любопытных, имеется в количествах неограниченных.

– Нужны, очень нужны. Готов, короче говоря, связать свою жизнь с доблестной российской армией. И вьетнамским товарищам помогу, чем смогу. Даже с удовольствием.

– Совсем другое дело, – повеселел подполковник. – Паспорт и военный билет с собой? Тогда, братец, будем оформляться...

Так лейтенант запаса Сергей Подопригора (прошёл соответствующее обучение на военной кафедре при ЛГИ имени Г.В. Плеханова), стал старшим лейтенантом российского ГРУ.... Почему состоялось внеочередное повышение по воинскому званию? Так, вот, получилось. Дело заключается в том, что в зарубежные командировки лейтенантов – по определению – не направляют. Мол: – «Не положено. Не прошли ещё комплексной ведомственной проверки на профпригодность и на наличие правильных морально-нравственных качеств-ценностей...».

Три с половиной месяца специальная офицерская группа, сформированная в спешном порядке, старательно изучала конструктивные особенности всевозможных мин, а также знакомилась с основными принципами их установки и разминирования. Кроме того, регулярно проводились – на подведомственном полигоне – практические стрельбы из самых различных видов стрелкового оружия, включая станковые пулемёты и подствольные гранатомёты.

Не обошлось, как водится, и без нудных политинформаций:

– Главное – при контакте с местным населением – проявлять выдержку и хладнокровие. А также максимально вдумчиво отвечать на все каверзные вопросы, – напустив на физиономию бесконечно-важный вид, поучал подполковник Мясницкий. – И всегда делайте чёткий акцент, мол: – «Трудно всё и непросто, существуют определённые бытовые трудности. Но победа уже не за горами, не дождутся от нас подлые империалистические псы проявлений слабости характера... Рыночные отношения? Да, имеют место быть. Но и про социально-направленную политику наше справедливое российское Государство никогда не забывает...». Кто это там ехидно лыбится и язвительно хмыкает? Смотрите у меня, бродяги голоштаные! Вмиг отправлю на гражданку – задницы олигархические и депутатские усердно подтирать и старательно вылизывать. Сказано – не забывает, значит, не забывает. Точка...

Учебные курсы завершились прыжками с парашютами, а потом, как и полагается, прошли-состоялись строгие выпускные экзамены. После этого «грушная» сапёрная группа, поредевшая примерно на тридцать пять процентов, отправилась во Вьетнам.

Летели долго и нудно, по заковыристому маршруту: Москва – Ташкент – Карачи – Бомбей – Ханой. Утомительное и нудное мероприятие, доложу я вам. Только в Карачи просидели часов десять с половиной, из самолёта, и вовсе, не выпускали – потому, как отношения с Пакистаном тогда были очень непростыми и слегка натянутыми, то есть, не отягощёнными взаимным дружелюбием...

Прилетели в Ханой, загрузились в автобус, поехали. На городских улицах было очень шумно и многолюдно – туда-сюда беспрерывно сновали многочисленные велосипеды, мопеды и мотоциклы, перевозившие людей, доски, клетки с шумными пёстрыми курицами, пучки бананов и непонятные тюки устрашающих размеров.

Автобус доставил офицеров в посёлок «Ким Ли Ен», где проживали русские специалисты всевозможных профессий, профилей и квалификаций. Поверх высокого бетонного забора тянулась густая паутина колючей проволоки под током, а вдоль заборного периметра бдительно прогуливалась вооружённая охрана: дружба дружбой, а безопасность – безопасностью. За оградой же выстроились – безупречно-ровными рядами – два десятка обычных панельных пятиэтажек.

Первые трое суток прошли относительно спокойно и благобно: знакомства, неторопливые прогулки по городу, экскурсионные осмотры местных достопримечательностей, вечерние (сугубо в меру), алкогольные возлияния.

Сергею во Вьетнаме очень понравилось. В письме к родителям он сообщал следующее: – «Ханой, в своём большинстве, он двух и трёхэтажный. Что характерно, домиков «просто так» нет совсем. В каждом обязательно располагается какая-нибудь коммерческая точка – магазинчик, кафэшка или крохотная мастерская по ремонту чего-либо. Всё это практически никогда не закрывается – ни на ночь, ни даже в праздники. Вьетнамцы – очень работающая и трудолюбивая нация, тем более что и семьи у них большие, всегда найдётся – кому постоять за прилавком... И погода здесь, на мой вкус, подходящая и единообразная: до обеда – тридцать два-пять градусов, потом хлещет сильный, но короткий ливень, а после него жара заметно смягчается, воздух становится чистым и, такое впечатление, целебным. Полезный, по мнению врачей, здесь климат. Особенно для всяческих сердечников...».

Потом их группу, как и было запланировано, перебросили на север страны, на вьетнамо-китайскую границу. Каменистое плоскогорье, жара, душные угольно-чёрные ночи, всевозможные змеи, ящерицы и ядовитые лягушки, пауки и москиты, свиная тушёнка, сосисочный фарш, сгущёнка и заплесневевшие «тульские» пряники. А ещё, понятное дело, мины.

Минные поля казались бесконечными.

– Трудолюбие – вещь, конечно, хорошая, – ворчал невысокий широкоплечий капитан (армейское прозвище – «Горыныч», ясен пень), возглавлявший российских сапёров. – Но надо же и меру, в конце-то концов, знать. Работы здесь, братцы мои, непочатый край. Хватит на несколько лет и ещё останется...

Началось разминирование. Боевые заряды, вывинченные из минных корпусов, складывали в ярко-зелёные фанерные ящики, сами корпуса – в тёмно-коричневые. Армейские обшарпанные «Уралы» еле-еле успевали отвозить – на специальный полигон – наполненные ящики и привозить обратно пустые.

Серёгин взвод отработал положенные четыре месяца нормально и штатно, то бишь, без потерь личного состава. А, вот, у «соседа справа» кто-то из молодых сапёров ошибся. В результате – два хладных трупа и четверо раненых. Бывает...

В положенное время группа прибыла в ханойский аэропорт.

– Как же я соскучился по славному ленинградскому пиву, – прежде, чем отправиться в военную комендатуру за билетами, заявил (как сейчас помню), широкоплечий капитан. – И, обязательно, чтобы с лёгкой и пикантной горчинкой... Ничего, бойцы, скоро будем в Москве, столице нашей милой Родины. Отчитаемся по служебной командировке, напишем подробные рапорты-отчёты, получим честно-заработанную денежку, да и рванём в родимый Питер. Там, ясные вьетнамские идеалы, оторвёмся уже по полной и расширенной программе, как и полагается в таких случаях. Я знаю на Петроградке один замечательный пивной ресторан. Называется – «Белая лошадь». Восемнадцать сортов пива, штатским гадом буду. Представляете? И хавчик приличный – никакой тебе тушёнки-сгущёнки, да и сосисочного фарша нет и в помине. Меню козырное: «Щи по-гусарски», «Колбаски по-славянски», «Шашлык по-карски». Ждите, я мигом...

Вернулся Горыныч только через полтора часа – тихий, задумчивый и слегка расстроенный.

Вернулся и, пряча билеты на самолёт в полевой офицерский планшет, хмуρο известил:

– Отменяется, пацаны, «Белая лошадь». Вернее, откладывается на неопределённое время. Да и с Москвой белокаменной, увы, свидимся, судя по всему, не скоро. Милая, но ужасно-строгая Родина решила, что надо срочно помочь нашим верным союзникам и друзьям, проживающим в Центральной Америке... Как и что? Извините, но сам ничего толком не знаю. Приказ. Мать его в приказном порядке. Уже на месте, надо думать, разберёмся...

И этот маршрут оказался достаточно экзотическим. Сперва – обычным пассажирским рейсом – они добрались до Гаваны. Покинули самолёт, влезли в дряхлый автобус и доехали на нём до неприметной военной базы со стандартными тёмно-зелёными воротами, створки кото-

рых были – по традиции – украшены двумя маленькими красными звёздочками. Там загрузились в два пятнистых вертолётa МИ-24 (без каких-либо опознавательных знаков), и полетели...

Куда – полетели?

– В полную и окончательную неизвестность, – резюмировал капитан Горюнов. – Одно могу сказать точно – на юг. А что у нас, господа офицеры, находится на юге?

– Развивающиеся страны Центральной Америки, – браво доложил Подопригора. – Сальвадор, Гондурас, Гватемала, Панама, что-то там ещё.

– Молодец, старлей. Образованный и начитанный. Практически заслуженный географ. Хвалю.

– Служу России!

Вертолётa уверенно приземлились на овальной поляне, окружённой со всех сторон классическими первозданными джунглями.

– Прибыли, вояки недоделанные, – злорадно объявил по громкой связи пилот. – Сейчас мы дозаправимся и полетим обратно. А вы, наоборот, здесь останетесь. В качестве заказанных спарринг-партнёров для местных мартышек и макак. Могучая диалектика в действии, мать её. Гы-гы-гы... Ну, кому сказано? Вылезайте, бездельники!

Вылезли.

– Отойти от вертолётa на семьдесят пять метров и построиться, – начальственно махнув рукой направо, велел Горюнов.

Отошли, построились.

– Что дальше? – спросил Сергей.

– Разговорчики в строю! – рассердился капитан. – Что делать дальше? Ничего особенного. Дисциплинированно стоять, не болтать, думать о женщинах облегчённого поведения и тупо ждать...

Минут через двенадцать-пятнадцать из джунглей выбрался встречающий индивидуум – тощий, смуглолицый, лохматый, бородатый, облачённый в выдавший виды камуфляж и чем-то неуловимо похожий на молодого Эрнесто Че Гевару. Типичный латиноамериканский революционер, короче говоря.

– Здравия желаю, товарищи офицеры! – приветливо улыбнувшись, на чистейшем русском языке поздоровался «типичный латиноамериканский революционер». – Поздравляю вас с успешным прибытием в Никарагуа... Вы у нас, собственно, кто? По воинской специальности, я имею в виду?

– Сапёры, – хмуро усмехнулся Горыныч. – Это нормально? Ничего не перепутали мудрые московские штабисты?

– Просто замечательно! – обрадовался смуглолицый бородач. – То, что старенький очкастый доктор прописал. Будете, в основном, трудиться по знакомому профилю. Ну, и ещё по мелочам – диверсии там всякие, взятие языков. Потом объясню более подробно, так сказать, в рабочем порядке... Так как, готовы помочь отважным и легендарным сандинистам³?

– Так точно! – гаркнул за всех Подопригора. – Готовы!

«Типичный революционер» не обманул. Их реальная каждодневная деятельность – процентов на семьдесят пять – была связана с минами. Только, в отличие от вьетнамской командировки, приходилось эти мины не обезвреживать а, наоборот, устанавливать – на обочинах асфальтовых шоссе, просёлочных дорог и железнодорожных путей. Оставшиеся двадцать пять процентов? Действительно, имела место быть полноценная диверсионная деятельность. Один раз, угнездившись на вершине пологого холма, они накрыли плотным миномётным огнём неизвестную автомобильную колонну. А примерно через неделю после этого наведались в крохот-

---

³ Сандинистский фронт национального освобождения – левая политическая партия Никарагуа. Название «сандинисты» происходит от имени никарагуанского революционера 1920-30-х годов Аугусто Сесара Сандино.

ный приморский городок Сан-Анхелино и выкрали – из собственного дома – какого-то местного магната, владевшего парочкой рудников, на которых добывали ценную серебряную руду. Выкрали и, надёжно спеленав, передали смуглолицему деятелю.

– Хрень какая-то – малопонятная и до одури мутная, – старательно прочищая ствол автомата специальным «ёршиком», ворчал капитан Горюнов. – Толкуют, мол, что мы помогаем героическим сандинистам. Но ведь тогда, в полном соответствии с элементарной логикой, мы должны вступать в боестолкновения с правительственными войсками? Верно? А та автомобильная колонна, которую мы так славно накрыли метким огнём, была откровенно-штатской. Да и хозяин серебряных рудников, отнюдь, не является государственным коррумпированным чиновником... В чём тут дело? В какие такие заковыристые игрища мы, сами того не ведая, ввязались? Ладно, приказ есть приказ, а наше дело – насквозь солдатское. Ну, как в той «бородастой» притче – про заскорюзлую позапрошлогодную портянку...

А потом они, утратив бдительность, попали в засаду. В результате – пятеро убитых и трое раненых.

– Это мы, цивильным гадом буду, нарвались на американцев, – печалился Горыныч. – Та ещё хватка, волчья. Знакомая до боли. Или кадровые «цэрушники», или вольнонаёмные «коммандос» из армейских отставников...

На следующее утро прибыл уже знакомый пятнистый вертолёт, вальяжно приземлился на овальной полянке, забрал раненых и трупы, упакованные в чёрные пластиковые мешки, и улетел.

Улетел, а через неделю вновь вернулся – привёз затребованное пополнение: шесть молоденьких старлеев и капитана Мальгину, армейское прозвище – «Амальгама».

– Красотка, каких ещё поискать, – нервно сглатывая похотливую слюну, восхищённо нашёптывал Горюнов. – Высокая, ногастая, грудастая. Девяносто-шестьдесят-девяносто. Женщина – мечта армейского поэта. Не отнять и не прибавить...

Алёна была старше Сергея на два с половиной года, уже и замужем побывала, и развелась, но препятствием все эти обстоятельства – даже вместе взятые – не стали. Препятствием – для чего? Для того самого, о чём вы, родные, и подумали.

Разгорелась жаркая-жаркая любовь-морковь. Естественно, не в ущерб служебным обязанностям и общему делу. Даже, скорее всего, наоборот. И никарагуанская миссия была завершена самым достойным образом, да и многие прочие.

Страны мелькали – цветастым бесконечным калейдоскопом: Сальвадор, Афганистан, Лаос, экзотическая Республика Чад, засушливый Южный Судан.

Они, не скрывая своих близких отношений, давно уже считались гражданскими (то есть, армейскими), мужем и женой. Командование? Знало, конечно, не без этого. Но с навязчивыми и высокоморальными нравоучениями не приставало, мол: – «Мы же живём в новой демократической России, где на всё принято смотреть (по западным образцам и калькам), сквозь призму либеральной терпимости и всеобщей толерантности...».

Тем не менее, по завершении очередной служебной командировки молодые люди решили-таки скрепить свои сердечные и плотские отношения в официальном порядке. Как-никак, многократные орденосцы, солидные и заслуженные «грушники», а не хиппующая шантрапа из ближайшей подворотни. Надо, как говорится, соответствовать высокому общественному статусу. Если, понятное дело, хочешь, чтобы твой путь по скользкой карьерной лестнице был прямым и гладким, без неожиданных терний и фатальных препятствий...

После возвращения из Южного Судана бойцам сапёрно-диверсионной группы был предоставлен плановый трёхмесячный отпуск – на поправку здоровья и полноценное восстановление расшатанной нервной системы. Как же без этого? Крепкие нервы – залог успеха для сапёра. Лучший гарант его долгой и счастливой жизни, образно выражаясь.

Сергей и Алёна приехали в Питер и подали соответствующее заявление в Дворец бракосочетаний, расположенный на знаменитой Английской набережной. После этого невеста познакомила жениха с будущими тестем и тещей, а также с младшей сестрёнкой. Потом они забронировали «Сиреневый» банкетный зал в гостинице «Прибалтийская». Разослали – в почтовых конвертах – официальные приглашения друзьям, родственникам и сослуживцам. Купили – в качестве свадебного путешествия – двухнедельную путёвку в солнечный Таиланд. До торжественной церемонии оставались считанные дни...

Но, как известно, человек предполагает, Бог располагает, а высокое руководство принимает окончательные решения – зачастую, неожиданные и малоприятные.

Пришёл строгий приказ: – «Отпуск прерывается. Всем бойцам группы «Омега» необходимо срочно прибыть в Москву, получить новое задание и проследовать на объект...».

Приказ, как известно, дело святое и обжалованию не подлежит. Свадьбу и все сопутствующие ей мероприятия отменили, путёвки в Таиланд, понеся серьёзные финансовые потери, сдали в турагенство, прибыли в Москву, получили чёткое служебное задание и отбыли на очередной объект.

Новое место службы находилось у чёрта на рогах. А точнее, на алжиро-ливийской границе, где располагался – стационарным лагерем – специальный военизированный корпус ООН...

Вопросы будут? Ага, интересуетесь, каким образом тихая и скромная девушка Алёна Иванова «превратилась» в легендарную Амальгаму?

Не вопрос. Рассказываю.

Её отец и мать были врачами. Нет, не так...

Её отец и мать были врачами – настоящими, идейными и фанатичными до мозга костей. Кроме обожасмой медицины для них, вообще, ничего не существовало: ни политики, ни футбола, ни телевидения, ни оперы с балетом, ни надоедливых бытовых проблем. Да и дети, такое впечатление, были лишь досадно-вынужденной обузой. Из серии: – «Ребятишек, конечно, заводить надо. Мол, социалистическая Родина остро нуждается в новых рабочих, крестьянах, учёных, моряках, спортсменах и солдатах. А врачи, как люди продвинутые и прогрессивные, прямо-таки обязаны подавать – в этом нужном и важном деле – пример остальному населению великой и могучей страны... Оказывается, что детей нужно воспитывать, баловать, играть с ними и даже изредка водить в зоопарк? Это здорово усложняет жизнь. В том плане, что отнимает избыточно много времени, которое можно было бы – причём, с немалой пользой – использовать для профессионального роста... Что же теперь делать, а? Вот же, незадача на ровном месте... Эй, бабушки и дедушки! А также любимые и насквозь обожаемые тётушки! Все срочно сюда! Вот вам чада – занимайтесь...».

Но незаменимые дедушки и бабушки, как известно, имеют ярко-выраженную склонность к старению. А ещё все они – рано или поздно – умирают...

Короче говоря, на студентке Алёне Ивановой «висели» дом, быт и все прочие проблемы семьи. Ещё на её попечении (в плане надлежасщего воспитания), находилась младшая сестрёнка Лизавета. Впрочем, Елена на Судьбу не жаловалась и со всеми жизненными перипетиями – более или менее – успешно справлялась.

Но потом всё резко изменилось. Очень-очень резко. Резче, просто-напросто, не бывает.

В урочный час, неожиданно для простых людей, могучий Советский Союз развалился на отдельные составные части, прогремели скоропалительные рыночные реформы, и начались откровенно-смутные времена: двух скромных врачебных зарплат на достойную жизнь хронически не хватало, семейные сбережения истощались прямо на глазах, и – в качестве логического завершения процесса – макароны постепенно вытеснили с кухни все прочие продукты.

– Сегодня у нас пятница. Значит, на обед будут макароны с питательным чешским маргарином, – разговаривала сама с собой рассудительная третьеклассница Лиза Иванова. – Завтра же будет суббота. Взрослые почему-то считают этот день недели маленьким праздником. Поэтому гадкий маргарин поменяют на вкусное сливочное масло... А ещё через полторы недели придёт большой и весёлый праздник – Восьмое марта, Международный женский день. Большой праздник – это очень хорошо. К макаронам должны добавить две сосиски. Или же две сардельки. Сардельки гораздо лучше сосисок. Они толще, вкуснее и, главное, сытнее...

А потом Алёна, не выдержав голодной и беспросветной нищеты, бросила Университет и устроилась работать продавцом на ближайший вещевой рынок. Через некоторое время в семью Ивановых вернулся относительный достаток – макароны утратили свою монопольную значимость, а сосиски и сардельки перестали быть праздничной экзотикой.

Через полгода Елена пошла на однозначное повышение – уволилась с вещевого рынка и стала вольным «челноком»: знойные Арабские Эмираты, улыбчивая Турция, заносчивая Польша, неподъёмные клетчатые сумки, взятки жадным таможенникам, наезды наглых рэкетиров...

– Какая же ты у меня усталая, – нежно трогая пальчиком крохотные морщинки на любимом лице, жалела сестру Лиза. – Совсем не отдыхаешь. Аэропорт – рынок – аэропорт – рынок. Мы так давно не ходили в зоопарк. Да и не разговаривали толком.

– Ничего, это ненадолго, – утешала Алёна. – Скоро поговорим. И сходим, обязательно, везде и всюду. Я же не только усталая, но ещё и красивая... Правда, ведь?

– Очень-очень-очень. Настоящая фотомодель из телевизора. Девяносто-шестьдесят-девяносто. Или около того...

– Вот, видишь. Значит, скоро встречу хорошего человека и выйду за него замуж.

– Хорошего? – недоверчиво щурилась Лизавета.

– Главное, по нашим мутным и непростым временам, чтобы не очень плохого, – печально улыбалась сестра. – То есть, богатого, обеспеченного и приличного...

Елена Иванова всегда держала данное слово. По крайней мере, очень старалась. Вот, сдержала и на этот раз – уже через неполные три месяца после того памятного разговора с младшей сестрёнкой она вышла замуж за успешного питерского предпринимателя.

Семён Семёнович Мальгин оказался дяденькой пожилым, тучным и скучным, но добродушным и, в принципе, положительным – был от молодой жены без ума и во всём ей потакал: – «Леночка хочет, чтобы в нашей шикарной квартире поселилась её младшая сестрёнка? Без вопросов, сейчас дам команду на обустройство детской. Мебель, естественно, будет итальянская, выполненная по индивидуальному заказу. Куклы, плюшевые медвежата и прочие игрушки? Пожалуйста – каталог. Пусть Лизонька выбирает сама... Книжки? Любые и на любых языках. Фортепьяно, понятное дело, купим, достойного учителя наймём. А ещё мои старинные знакомые рекомендуют конный спорт и большой теннис. И, конечно же, переведём её – в обязательном порядке – в частную школу...».

Уже через полтора месяца после свадьбы старшей сестры Лизавета переехала в квартиру супругов Мальгиных.

Славное тогда было времечко: Елена нигде не работала, и всё время посвящала семье, вернее, Лизе, так как Семён Семёнович был очень занятым человеком и постоянно находился в разъездах. Музеи, театры, парки, выставки, прогулки на речном трамвайчике по Неве, частые поездки за город. Короче говоря, сёстры, не смотря на существенную разницу в возрасте, стали закадычными подружками: болтали, делились, мечтали, судачили, хихикали и тому подобное...

Потом супруги Мальгины развелись. Почему? На все вопросы сестры Алёна отвечала обтекаемо, мол: – «Семён Семёнович оказался лицемерным и двуличным подлецом. Бизнес,

которым он занимается, ...м-м-м, оказался очень гадким и неприличным. Потом, когда подрастёшь, расскажу более подробно...».

Сёстры, по-быстрому собрав пожитки, вернулись в родительское гнездо. Без копейки денег вернулись – гордая Алёна не взяла у бывшего мужа ни копейки, хотя он и предлагал кругленькую сумму в иностранной валюте. Видимо, ощущая некую серьёзную вину... Да и Лизавете пришлось распрощаться с дорогими игрушками, книжками, теннисом и занятиями по конной выездке.

Лиза перевелась в старую школу, а Елена...

Алёна после развода очень изменилась – стала задумчивой, сосредоточенной и скрытной, а через некоторое время записалась на какие-то якобы маркетинговые курсы, где даже платили весьма неплохую стипендию. Курсы были странными, проходили в рваном режиме и сопровождались регулярными выездами в другие регионы страны – то на несколько суток, то на две-три недели.

– Практические занятия по стратегическому маркетингу и многопрофильному менеджменту, – с важным видом поясняла Елена. – Пройденную теоретическую часть надо планомерно и целеустремлённо закреплять на практике, а закреплённое, устали не ведая, совершенствовать. Ничего, прорвёмся, я упрямая и усидчивая...

Курсы закончились, а краткосрочные выезды преобразовались в серьёзные командировки, которые длились по несколько месяцев кряду.

Из этих командировок Алёна возвращалась разной – то весёлой, то грустной. Но всегда – загорелой до черноты, собранной, рациональной и при больших деньгах. Возвращалась, баловала всю многочисленную родню дорогущими подарками, а отвечая на назойливые вопросы-расспросы родственников, отшучивалась:

– Сегодня в отсталых южных регионах остро востребованы профильные услуги опытных российских менеджеров и маркетологов...

Но долго морочить головы домашним у неё не получилось: в дело вмешалась ушлая престарелая тётюшка, долгие годы проработавшая архивариусом в питерской Прокуратуре, и очень быстро вывела любимую племянницу на чистую воду. То есть, дождавшись, когда Елена, вернувшаяся из очередной подозрительной командировки, выйдет из дому, вредная старушка устроила в её комнате образцово-показательный шмон, качественно порывшись в вещах, сумках и чемоданах.

При обыске обнаружилось весьма интересное служебное удостоверение и толстенький альбом с не менее интересными фотографиями. Выяснилось, что Елена Мальгина служит – в звании капитана – в каком-то жутко-секретном подразделении, приписанном к Министерству Обороны РФ.

– Вот, такие дела, – подытожил Горыныч. – Как вам, господа старшие лейтенанты, история?

– Подходящая, – одобрительно хмыкнул Сомов. – Только, вот... Ты, прежде чем приступить к рассказу, фразу обронил, мол: – «Весьма поучительная и позитивная история. На сегодняшний текущий момент, по крайней мере...». Что имелось в виду – относительно «сегодняшнего момента»? А?

– Да, ничего такого. Просто, во-первых, наша жизнь армейская, она очень богата на самые разнообразные и непредсказуемые сюрпризы. А, во-вторых, эти женщины...

– Что – женщины?

– Ничего, – смущённо потупился Горюнов. – Не верю я им. Особенно симпатичным, морально-устойчивым и безупречным. В тихом омуте, как известно, черти водятся...

Глава пятая

Голова инкуба

Время шло-тянулось – медленно и плавно. Пролетел и канул в Лету один месяц. Второй. Третий...

– Скоро командировка заканчивается, а ещё ничего серьёзного – ровным счётом – не случилось, – сварливо ворчал Горыныч. – Ерунда какая-то, так его и растак. Ничего не понимаю... Может, наш Палыч, просто-напросто, постарел?

– Смотри, капитан, не сглазь, – насторожился мнительный Гришка Антонов. – А ещё лучше – три раза сплюнь через левое плечо и не забудь, понятное дело, хорошенько постучать по дереву.

– Не буду.

– Почему? Не веришь в народные приметы?

– Верю, конечно же. Просто...

– Что – просто?

– Сам толком не знаю, – непонятно вздохнув, признался Горюнов. – Заскучал я что-то, Антон. Да и майорские звёздочки, если честно, уже давно меня заждались. Поэтому и обрадовался, когда попал в команду Громова. Мол: – «Появился шикарный и однозначный шанс – реально ускорить продвижение по службе. Может, даже и длинную очередь на получение обещанного жилья удастся обойти стороной...». А тут – тишь, гладь и Божья благодать. Тьфу, да и только.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.